

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

1924 ГОД СТАРОВЕР

ВИКТОР ТЮРИН

Военная боевая фантастика

Виктор Тюрин

1924 год. Старовер

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Тюрин В. И.

1924 год. Старовер / В. И. Тюрин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-157084-2

1924 год. НЭП. Герой, авантюрист в душе, попадает в тело молодого старовера. Под чужой маской ему придется пройти через многие испытания, встретиться с самыми разными людьми: чекистами, бандитами, обывателями, бывшими дворянами и ворами. Ему придется схватиться с лесными бандитами, поработать кладовщиком в лавке, перейти дорогу воровской шайке в поисках золотого клада. Несмотря на чужое ему время, герою хватит смелости и твердости характера, чтобы идти к намеченной цели наперекор событиям и людям, ставшим на его пути.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-157084-2

© Тюрин В. И., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктор Иванович Тюрин

1924 год. Старовер

Роман

Это было то время, когда люди с великим усердием и ожесточением в сердце проливали человеческую кровь в борьбе за всемирное счастье, при этом совершенно не думая о тех, ради кого это делалось.

Исторические факты и события того времени взяты из литературных источников, а персонажи и их приключения выдуманы автором.

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Виктор Тюрин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Три дня я находился в сознании молодого человека, старовера, который на пределе своих сил пытался выжить, умирая от ран, нанесенных зверем, от голода и холода. Как такое могло произойти, просто не укладывалось в моем сознании, да и не до того было, так как его мысли, эмоции и страдания, словно рикошетом били по мне, захлестывая мой разум незнакомыми образами, непонятными картинками из чужой жизни, нечеловеческими муками, которые перенес другой человек. Я не чувствовал всей полноты его страданий, так как не испытывал ни физической боли, ни голода, ни холода, не видел, как тот полз по холодной земле, дергаясь всем телом, словно червяк, цепляясь окровавленными, распухшими пальцами за землю. Временами человек замирал, ныряя в очередное забытие, и только в эти моменты мне удавалось становиться самим собой.

Перебирая все возможные варианты происходящего, начав с бреда и галлюцинаций больного мозга, я постепенно понял, что передо мной проматывается жизнь другого человека, причем в другом, чужом для меня времени. Придя к такому выводу, решил, что нужно отталкиваться от самого человека и его времени, чтобы понять, в чем заключается цель пока непонятного для меня эксперимента.

Глава 1

Во второй половине дня к станции на дрезине подъезжали два человека. Рельсы под колесами дрезины стучали на стыках, при этом она сильно скрипела, словно жалуясь, но люди, не обращая внимания на звуки, упорно работали рычагом, гоня железную тележку все дальше. Василий Севостьянович, плечистый мужчина лет сорока пяти, время от времени бросавший взгляды по сторонам, вдруг резко вскинул голову.

– Ванька, глянь! Навроде человек.

– Где?! Где, дядька Василий? – вслед за ним повернул голову в ту же сторону парень лет восемнадцати.

– Да вон там! У кромки леса!

– Вижу! Ползет! Кто он? Можга, беглый?

– Для нас он человек, а дальше с ним пусть власти разбираются.

– Это правильно. Мамка так и говорит...

– Тормози! Заберем его.

– Дядька Василий, а зачем мы?! Давай сообщим о нем на станции...

– Тормози дрезину, чертов сын! Он сейчас живой, а через пару часов и душу отдать может! Не след грех на душу брать!

Как только тело оказалось на металлической тележке, оба налегли на рычаг.

– А смердит от него как! Дядька Василий, глянь, одежда на нем вся сопрела. И раны вон какие кровавые! Что за зверь его так рвал? – никак не мог успокоиться Иван, племянник железнодорожника. – Все одно не могу понять: откуда он здесь взялся?

– Согласен. Непонятное дело, – согласился с ним железнодорожник, хмыкнув в густые усы. – По нательному крестикку выходит, что старовер. Только мне не доводилось слышать, чтобы они из скита своего бежали.

Двое суток я был почти без сознания, лавируя между жизнью и смертью, лишь на короткое время приходя в себя, только теперь в моем бреду переплетались картины моей жизни с отрывками из памяти молодого старовера. Теперь я точно знал, что он ушел, оставив после себя обрывки памяти. Как и когда это произошло, мне было неизвестно, просто не почувствовал за неистовым желанием выжить во что бы то ни стало. Ощущение моего пробуждения к жизни было похожим на то, словно я выплыл из темной глубины, готовой меня поглотить, к свету. Если до этого оба сознания, переплетаясь, словно играли со мной, мельтеша образами и играя картинами из жизни, то теперь я оказался живым человеком в реальном мире.

За деревянной оконной рамой с шелушащейся белой краской только начинался рассвет. В больничной палате стоял полумрак, а легкий ветерок, идущий из открытой форточки, заставлял колыхаться белую занавеску, закрывавшую вторую половину окна. Металлическая спинка кровати. Занавеска на окне. Потрескавшийся, давно не беленый потолок. Венцом этой обветшалости и убогости стал плакат, нарисованный в две краски, на котором краснорожий мужик красным молотом разбивает черного двуглавого орла, а внизу надпись: «Свергли могучей рукой». Он подтвердил и поставил окончательно точку в моем сознании, что я не только попал в чужое тело, но и в другое время. Вот только одно дело – видеть мир через призму мироощущения молодого скитника, и совсем другое – видеть и чувствовать самому.

Вместе с болью изломанного тела меня пронзило острое чувство одиночества. Двойной напор с такой силой ударил по сознанию, что я не выдержал и тихо выругался сквозь зубы, причем не столько от боли, сколько от ощущения беспомощности. Больной, лежавший на соседней кровати и до этого тихо сопевший, услышав это, вдруг резко замолк, потом с шумом повернулся на другой бок, всхрипнул и снова заснул. Прошло несколько минут, прежде чем я сумел

взять себя в руки, а затем, чтобы отвлечься, стал прикидывать, какую линию поведения надо избрать, чтобы не выбиться из образа молодого старовера.

Теперь мне надо было привести свое сознание и навыки в соответствие с моим нынешним положением. Я уже знал, что до семнадцати лет хозяин моего нынешнего тела рос в лесу, причем, где именно, он и сам не имел ни малейшего понятия, так как география не входила в его обучение. Их учили читать, писать и считать. Он умел делать простейшие арифметические действия, учился читать по «Часослову», знал наизусть утренние и вечерние молитвы, а все остальное его время занимали охота, рыбалка и работы по дому. Звали его Иваном Микишиным.

Жил бы он так и дальше, только в один из летних дней перед скитом появился конный отряд чекистов, присланный в скит из-за доноса, в котором говорилось, что местные староверы оказывают помощь укрывшейся в лесу банде белогвардейцев под командованием бывшего царского поручика, которого не могли поймать уже четыре месяца. Об этом факте Микишин узнал много позже, уже во время допроса в ЧК.

За сутки до появления карательного отряда трое староверов отправились на охоту, а вернувшись через три дня, не поверили своим глазам, глядя на уничтоженный скит. Иван был в их числе. Стоило молодому и горячему парню увидеть трупы близких ему людей, как он потерял голову. Какое-то время он кричал и плакал, потом его словно перемкнуло, жажда мести опалила огнем его сердце и разум. Схватив охотничье ружье, он кинулся по следам убийц.

Несмотря на свои семнадцать лет, он уже был опытным таежником, охотником и следопытом, поэтому идти по следу большого отряда ему не составило труда. Нагнал он чекистов на выходе из леса, вот только горе и месть дали осечку в тот самый момент, когда он был готов нажать на спусковой крючок. Не смог Иван выстрелить, ни вера, ни воспитание не позволили, зато у одного из чекистов рука не дрогнула. Молодой старовер был ранен, затем его перевязали и забрали с собой, а через неделю он предстал перед пролетарским судом, который обвинил его в вооруженном покушении на сотрудников ЧК.

Ему дали четыре года тюрьмы и отправили строить социализм. Полтора года, проведенных в заключении, показали молодому и невинному душой парню адовой мукой, его попытки укрыться за верой мало чем помогали, и за то, что его не сломали, нужно благодарить вора-медвежатника, широко известного в уголовном мире. Тот медленно умирал, требуя постоянного присмотра, вот за ним и приставили ухаживать Микишина, а спустя год он решился на побег, предложенный ему ворами. У тех была своя выгода. Молодой, сильный, а главное, знающий тайгу парень, который при большой нужде мог сойти за «корову».

После четырех месяцев подготовки шесть заключенных совершили побег, а спустя три месяца на опушку леса выполз только один человек. Не вовремя подвернутая нога, схватка с рысью, потеря крови – все это подорвало здоровье молодого человека, но не силу воли. Только благодаря сильному духу он сумел преодолеть последнюю пару километров и выйти к железной дороге.

Прокрутив в голове вехи своей новой биографии, я сделал печальный вывод, что с моим побегом и политической статьей местные власти вполне могут поставить к стенке. От той жизни у меня осталось знание трех иностранных языков, а вот тем же в отношении других школьных предметов мне похвастать было нечем. Мой скудный набор знаний об этом историческом периоде заключался в следующем перечне: Первая мировая война, революция семнадцатого года, НЭП, Ленин, Сталин, Троцкий и пятилетки.

«В дополнение к этому продовольственные карточки, расстрелы, лагеря... Нет, это не мое. Да тут и думать нечего. Надо вставать на ноги и катить в Европу», – подвел я окончательный итог своим размышлениям.

Три раза в прошлой жизни мне доводилось валяться в госпиталях, и вот теперь новую жизнь мне пришлось начать с больничной койки. Наверное, это плохая примета, или для моей

ситуации она стандартная? Впрочем, что досталось, с тем и жить будем, решил я и неожиданно для себя уснул. Проснулся уже от громкого голоса санитарки, которая выговаривала больному за испачканный пол.

– Матвей Лукич, это что?! Я тебя, старый хрен, спрашиваю! Я что, нанялась за тобой убирать?!

– Марфа Антоновна, побойся бога! Мне что, теперь до ветру сбегать нельзя?

Открыл глаза и зажмурился. Яркое солнце, отражаясь в приоткрытом окне, разбросало по всей палате множество солнечных зайчиков. Вместе с ощущениями тепла и свежести на меня как-то разом нахлынули различные запахи и звуки. Сначала достиг ноздрей резкий запах хлорки, смешанный с запахом подгоревшей пищи и табачного дыма. Где-то за окном выдавала трель какая-то птичка. Вместе с ощущениями ко мне неожиданно пришло чувство чистой, почти детской радости, какая бывает у взрослого человека, который пережил тяжелую болезнь.

Скосил глаза и неожиданно встретился взглядом с полной пожилой женщиной в застиранном белом халате и белой косынке, из-под которой выбивались седые волосы. Ее глаза широко распахнулись:

– Ох! Ужель очнулся, милый?!

После ее слов все, кто был в палате, вскочили на ноги и, подойдя к моей кровати, с нескрываемым интересом уставились на меня. Их было четверо. Один из них был невысоким лысым дедом с хитрым прищуром и седой, клочковатой бородой, другой – крепкого сложения пожилой мужчина с широким лицом, третий, полная ему противоположность – худая личность с усами, имевшая угловатые черты лица и желтоватый оттенок кожи. Четвертый пациент имел чисто выбритую голову и, в отличие от остальных, не имел никаких следов растительности, кроме бровей. В одном все четверо больных были схожи – одеты в кальсоны и белые рубахи навыпуск.

– Ты у нас кто будешь? – первым поинтересовался дедок.

– Егорий, – хрипло ответил я и закашлялся.

– Ой! Чей-то я стою! – вдруг воскликнула толстуха. Оттолкнув здоровяка, загораживающего ей путь, метнулась к двери.

– За фелшаром побежала, – прокомментировал ее бегство дед, потом неожиданно спросил: – Ты из какого скита, парень?

Название скита, в котором когда-то жил Иван, я знал, но говорить правду не собирался. Незачем им знать обо мне больше, чем я собирался рассказать, поэтому вместо ответа только насупился и промолчал. Наступила минута неловкого молчания, которая была прервана резко открывшейся дверью и появлением нового персонажа. В палату быстро вошел мужчина средних лет, имевший пенсне, ухоженные усы и бородку клинышком. Он один в один походил на врача старых времен, каким его показывали в кино. Вот только его интеллигентное лицо портили мешки под глазами. Добрые карие глаза смотрели с сочувствием и любопытством.

– Очнулись, юноша? Это очень хорошо. Как вы себя чувствуете? Слабость? Боль?

Я не ответил, а вместо этого посмотрел на забинтованные руки, потом снова посмотрел на врача.

– Где я? – изобразил я только что очнувшегося человека.

– В больнице, молодой человек. Как вас зовут?

– Егорий, – снова я повторил свое имя.

– Егор, значит. Откуда ты? – После короткого молчания, когда доктор понял, что ответа не будет, он поменял тему: – Ну-с, молодой человек, давай будем тебя осматривать.

Минут десять он меня крутил, нажимал то там, то тут, затем задавал вопросы, на которые я однозначно отвечал.

– Что я могу сказать? Могу тебя порадовать, Егор, ты идешь на поправку. Организм твой молодой, справится, правда, истощен сильно, но это дело поправимое.

В этот момент пришла медсестра и принесла лекарство – порошки и стакан с водой.

– Будете принимать это лекарство трижды в день, – строго сказал доктор и отошел в сторону.

Женщина поставила на деревянную тумбочку блюдечко с бумажными пакетиками, а рядом стакан с водой. Развернула один из пакетиков и ловко сложила его вроде трубочки, затем поднесла к моему рту. Я недоверчиво посмотрел на доктора, на что тот одобрительно кивнул головой.

– Давай, милый.

Я послушно открыл рот. Порошок отдавал едкой горечью. Женщина взяла стакан воды и протянула мне.

– Пей, деточка.

С некоторым трудом сложил двоеперстие и перекрестил стакан и только после этого взял его в руку. Сделал я это автоматически, без внутреннего сопротивления, словно делал так всю свою сознательную жизнь. Сестра приподняла мне голову, и я сделал несколько глотков. Второй порошок проглотил по точно такой же схеме, после чего женщина забрала блюдечко и стакан и вышла из палаты. Вслед за ней ушел доктор. Мои соседи по палате, стоило прийти врачу, улеглись на свои кровати и теперь только время от времени бросали на меня взгляды.

Снова пришла сестра, поставила стакан воды мне на тумбочку, затем долго объясняла больничные правила.

– Все понятно?

– Все понял. Благодарствую, добрая женщина.

Женщине понравился мой ответ, это было видно по ее доброй улыбке, затем она ушла, но скоро вернулась с какой-то кашей-размазней и кусочком хлеба. После того как я поел, ушла окончательно. Только закрылась за ней дверь, как в меня снова вцепился дед с хитрыми глазами и сиво-пегой бородой, закрывавшей половину лица.

– Так ты, мил человек, из каких будешь? Из Дубининского скита, что ли?

– Не надо меня спрашивать, добрый человек. Все мое пусть при мне и останется, а Бог мне в этом судия.

– Да не получится уже у тебя так, парень. Раз в мир вышел, значит, уже не спрячешься, а стало быть, открыт ты теперь для народа, – неожиданно прикрутил философию к своим словам дедок.

– С чего ты, Лукич, решил, что он старовер? – спросил его крепкий мужчина.

– Так видно же. Как по кресту нательному, да двуперстию и по разговору, – снисходительно ответил ему старик.

– Так, может, он сын поповский? – возразил мужчина.

– Макар, ты же слыхал, что он дважды поблагодарил Антоновну, но слово «спасибо» разве ей сказал?

– Нет, и что с того?

– Да потому что для староверов это запретное слово.

Чтобы придать больше веса его словам, я перекрестился и забормотал утреннюю молитву. Мужчина задумался на какое-то время.

– То есть он хочет, как и раньше, жить сам по себе? Я правильно тебя понял? – снова спросил он.

– Хочет, но не получится. У нас же власть есть. Возьмет за шкуру и начнет трясти: кто ты да что ты, а потом определит твое место в жизни. И хорошо еще, если к стенке не поставит.

– Ты, Лукич, не наговаривай на красную власть. Она видит людей насквозь: и кто нам друг, и кто враг.

– Во-во! И так же делит людей, – негромко буркнул худой мужичок, который до этого отмалчивался. – Ты или за советскую власть, или враг. А если человек сам по себе жить хочет? То как?

– Ну-у... Думаю, ежели не враг, то пусть живет, как хочет, – уже неуверенно сказал поборник советской власти.

Когда больные поняли, что у меня нет желания говорить, то стали обсуждать другие новости. За несколько дней мне много чего довелось услышать. И о большевиках, и о бандах, и о плохой жизни. Все утренние разговоры, нередко перераставшие в яростные споры, обычно начинал Лукич.

– Вчера брат мой приходил. Ругался, что сплошные страдания Расея-матушка принимает! Сначала война с германцем, переворот против царя, потом вой ны с белыми генералами. Взяли верх большевики, и что изменилось? Ведь казалось, что буржуй пошел ко дну, пролетарий вынырнул наверх. А что теперь? Снова буржуй наверху. Как такое возможно?

– Вот и я говорю: переворот сделали, а что переменилось? – поддержал его Василий Семенович, изможденная личность с нездоровой кожей лица. – Раньше мы хозяина величали «господин», а теперь – «нэпман». Шерсть снаружи другая, а нутро-то у него прежнее. А я скажу вам, почему так получилось! Прогневили люди Господа, перестали молиться. Вера в народе пропала!

– Брось, батя, говорить нам про веру, про Бога, – убежденно сказал бритоголовый здоровяк по имени Николай. – Мы сами своими руками расправились с царем и белыми генералами, а кулака и нэпмана, которые сейчас жируют, дай время, как клопов подавим. Только время для этого надобно! Герб какой у нас? Серп и молоток. Вот! Власть-то, она не чужая нам, народная, все в нужное русло направит.

Вместе со спорами были и рассказы о том, кто что видел и пережил за прошедшие годы. От прямых участников и очевидцев я узнавал о войне с Колчаком, о партизанской войне в Сибири, о крестьянских восстаниях, охвативших половину Сибири в 1919–1921 годах. Теперь я знал, что нахожусь в селе Никольском, расположенном в ста двадцати верстах от Красноярска, и что сейчас конец мая 1924 года. Вот только определить, настоящее это прошлое или альтернативная версия Земли, у меня просто не хватало знаний по истории.

Участия в спорах я не принимал, но иногда задавал каверзные вопросы, подогревая спорщиков и тем самым собирая нужную мне информацию. Мне стало известно, что село большое и что в лучшие времена здесь жило около четырех с половиной тысяч человек, а сейчас и трех тысяч не наберется. Имеется сельсовет, ОГПУ, милиция, железнодорожная станция. Отделение Красноярского банка, «Золотоскупка» и заготовительный пункт. Аптека, три частные лавки и два государственных магазина. Есть церковь, кирпичный завод с полусотней рабочих, лесопилка с мебельной мастерской, свечной и смоляной заводи. Немалая часть местных жителей жила тайгой. Шкуры и мясо зверей, травы, грибы, ягоды. Сдавали и золото.

Село раньше держалось на крепких хозяевах, которых было не менее сотни, как утверждал дед Матвей Лукич, коренной житель. Когда царя свергли и к власти пришли большевики, тогда и началось разорение хозяйств, в результате чего часть жителей, взявшись за оружие, ушла в лес, и советская власть на селе разом закончилась. За последние несколько лет ее еще два раза пришлось восстанавливать. Сельсовет, который сейчас представлял власть в селе, был четвертым по счету, причем четверо из них были приезжими, назначенные сюда уездным комитетом. Как я понял, их власть дальше околицы села не распространялась и держалась на шести сотрудниках ГПУ, десятке милиционеров, а главное, на полуэскадроне ЧОН, который квартировал в селе и был придан местным властям в качестве силовой поддержки.

Когда мои соседи по палате считали, что я сплю, то вполголоса говорили и обо мне.

– Старовер наш будто только на свет народился. Спрашивает, словно совсем ничего не знает.

– Ничего удивительного. Окромя леса, он не видал ничего. Молитвы, охота, рыбалка, работа по дому и все. А стоило ему в люди выйти, сразу растерялся, потому и замкнулся. Есть, правда, одна странность.

– Какая, Лукич? – спросил его Семеныч, чье изможденное лицо напоминало мне лица узников немецких концлагерей со старых фотографий.

– Был я на дворе, когда парнишку привезли, а потом помогал переодевать и мыть парня. Так одежда на нем совсем сопревшая была, прямо расползалась от ветхости, когда мы его переодевали. Где же он столько времени был, ежели из Дубининского скита? Для старовера шестьдесят-семьдесят верст не расстояние.

– Может, из узилища ихнего сбежал? Староверы, как я слышал, в своей вере ох как строги.

– Не могу не согласиться с тобой. Да и бог с ним. Главное, выжил парень.

В их неспешный разговор ворвался голос Артема, десятника с кирпичного завода, поборника советской власти, сейчас явно желающего поспорить. В отличие от спокойного и рассудительного Николая, которого пару дней назад выписали, ему явно не хватало ни знаний, ни правильности понимания того, что происходит.

– Да все эти сектанты – враги советской власти! – раздался его голос. – Их в сельхозартель приглашали, по-человечески, а они, дескать, не могут! Вера им не позволяет! Сам в газете читал...

– Ты веру, Артем, не тронь! Ты первый взовьешься, только скажи что-то супротив советской власти, так и тут. Ты и сам крещеный, и в церковь ходил. Не так, что ли?

– Ходил. Так то раньше, а теперь понял, что попам веры нет! Правильно большевики говорят: дурман это! Просто дурят людям головы! – не находя доводов, горячился десятник.

– Ишь ты, какой горячий! – тут же вступил в спор Лукич. – Веры нет! Бога нет! Да вы просто подменили нашу исконную веру болтовней о хорошей жизни! А когда она будет, так об этом молчите! Что, не так, что ли?!

– Будет! Вот тебе крест... А! Будет светлое будущее для всех людей! Все будет! Дай только время! – горячился десятник с кирпичного завода.

– Чего их трогать, скитников? – не обращая внимания на суть спора, спокойно сказал Семеныч. – Сидят в лесу и богу молятся. Пусть. Кому они мешают?

– Мешают! Советской власти мешают! – сразу переключился на него заводящийся с пол-оборота Артем. – Дурной пример подают! Раз свое хозяйство имеют, значит, кулаки-миroeды!

– Ты, Артем, говори, говори, да не заговаривайся! – возмутился Лукич. – Какие из них мироеды? Ты видел, как они живут? Нет. Ты всю жизнь на заводах работал и ничего про них не знаешь, поэтому нечего наводить на них напраслину.

– Чего про них знать, ежели я сейчас вижу. Ваш старовер даже говорить с нами не хочет. Почему? Мы к нему со всей душой, а он нам фигу показывает. Может, он контра и ненавидит советскую власть? Ты, Лукич, можешь сказать с полной уверенностью, что он наш человек?

– Артем, ты дурной? Посмотри на парня. Он еще молодой, зеленый совсем. Просто всю жизнь в лесу прожил, вот поэтому для него все странно и чудно.

Я не видел лица Артема, так как усиленно притворялся, что сплю, но, судя по его изменившемуся голосу, тот смутился, понял, что перегнул палку.

– Насчет контры признаю, погорячился. Чего он тогда молчит, волком смотрит?

– Да он просто пытается понять, как людская жизнь устроена. Я ж тебе толкую: для него сейчас все внове.

Не прошло и пяти минут, как разговор снова поменял направление. Ругали, в который раз, власти, которые опять дали волю буржуям, и те скоро совсем им на шею сядут. Говорили про товарищества и артели, в которые загоняют крестьян, про какие-то мятежи и расстрелы,

про плохие продукты и как нынче с охотой будет. Кончилось тем, что десятник опять начал жаловаться, что рабочим кирпичного завода уже три месяца не платили зарплату.

– Как жить, скажите, рабочему человеку?! И в партийные органы обращались, и в ЧК письмо написали. Говорят: примем меры! Разберемся! Одни слова! Точно говорю: контра в дирекции засела!

Так как подобные жалобы возникали по три раза на день, мужики просто замолкали, ожидая, пока десятник выпустит пары. Нередко говорили и о местных бандитах, двух известных местному народу личностях. Левше, главаре банды, когда-то бывшем красном партизане, и Вешателе, возглавлявшего банду бывших белогвардейцев. Его называли Вешателем, так как пойманных представителей советской власти он предпочитал не расстреливать, а вешать. Больные ругали их на все лады, а заодно проклинали уголовников всех мастей, от шаек беспризорников до грабителей и убийц. Зато мировые проблемы их совсем не трогали, если только разговор не шел о мировой революции и о той счастливой жизни, которая после нее наступит.

Слабость давала о себе знать, и я иной раз засыпал посередине одного разговора, а просыпался, когда спор уже шел о чем-то другом.

Я ел жидкую пшеничную кашу с ломтиками плохо пропеченного хлеба, пил микстуры и порошки, слушал споры и рассказы, пока на четвертый день в больницу не пришла власть в лице старшего милиционера.

– Старший милиционер Трофилов Илья Степанович, – представился представитель власти и замер, ожидая моего ответа.

Мазнул по нему взглядом. Мужчина лет тридцати. Гимнастерка защитного цвета. Галифе. Начищенные до блеска сапоги. На тулье фуражки был нашит щит, изготовленный из сукна крапового цвета, а на самом щите крепился какой-то значок. Одежда чистая, но явно не новая. Перевел взгляд, стал смотреть на потолок, бормоча очередную молитву. Милиционер хмыкнул, обернулся, нашел взглядом стоявшую у стены табуретку, после чего сходил, принес, поставил ее рядом с кроватью и уселся. Несколько раз провел пальцами по усам, потом достал из планшета лист бумаги, карандаш, после чего сказал:

– Кто ты есть, гражданин? Говори все по порядку. Имя. Фамилия. Место проживания. И так далее.

Я молчал, глядя на потолок. Разговоры разом затихли, и все внимание палаты сейчас сосредоточилось на нас двоих.

– Да старовер он, товарищ милиционер, – влез в разговор Матвей Лукич. – По кресту его нательному видно, да и крестится двуперстием. Про таких, как он, говорят: на пень молился, на сосну крестился.

– Как вас звать, товарищ?

– Матвей Лукич Прянишников.

– Где в наших краях такие есть?

– Раньше у нас, это мне отец говорил, а он знатный охотник был, три скита в наших местах было. Очень редко, обычно в конце зимы, они приезжали и меняли на нужные им вещи – гвозди, например, или косу – меха всякие, поделки деревянные, лекарства на травах, разные и весьма полезные. Вот возьмем: охотник в снег залег, зверя ждет. Тут и спину на холоде может прихватить. Вот какой он после того, как его скрючит, охотник? Вот! А ихней мазью два-три дня помажешь да в тепле лежишь – как рукой снимет!

– Ты по делу, товарищ, говори, а то как жидкую кашу по тарелке размазываешь.

– А ты, власть, меня не торопи. Хочешь слушать – слушай, а нет, я и помолчать могу.

– Да ладно, говори. Если что не так сказал, извиняй.

– Отец помер, царство ему небесное, а это он у них бывал, сам я ничего про них не могу сказать. Кроме Дубининского скита. Он самый близкий к нам. По молодости отец мне к нему дорогу показал. Люди как люди, не хуже нас, только сами по себе живут. Это что, плохо?

– Я тут всего только три месяца, не все знаю, мне просто понять надо, что они за люди такие. Поэтому объясни, товарищ, как можешь.

– Объяснять попробую, вот только поймешь ли ты?! Кержаки, или староверы, почитай, лет сто, а то и более в наших лесах живут, так как бежали сюда от притеснений церкви и властей. Не признавали они попов, и все тут! Фамилия старовера, который привел их сюда, была Дубинин. Вот и прозвали по ихней фамилии этот самый скит. Он самый близкий к нам.

– Хм. Что-то краем уха слышал. – Милиционер задумался, потом спросил: – Что с ними не так?

– Все так. Живут в лесу и богу молятся. Последний раз о них слышал, когда в сельхозартели крестьян загоня... Э-э-э... Когда народ в них собирали. Тогда и к староверам комиссию направляли, а они ни в какую! Мой сын Васятка читал мне тогда про них в газете. Написали про кержаков, что они... Они... Рекци... От же! Забыл это самое слово! Раньше помнил, а сейчас забыл! В общем, они старине подвержены и не хотят жить сацилистически.

Судя по настороженному взгляду представителя власти, брошенному на меня, он слабо разбирался в этом вопросе, но тем не менее уже определил меня к врагам.

– Значит, так, старовер. – В голосе милиционера прибавилось строгости. – У тебя в лесу были свои законы, а у нас тут – свои, советские. Понятно объясняю? Имя. Фамилия.

Я повернул к нему лицо. Вступать в конфликт с властью в первые дни пребывания в этом мире не входило в мои интересы.

– Егорий Аграфов.

Я назвал имя и фамилию своего приятеля, который был старше меня на полтора года, и чей труп остался на пепелище нашего скита. Полтора года тому назад по молодости и по наивности Иван назвал следователю свою настоящую фамилию, под которой на него завели дело. Теперь про нее можно забыть.

– Так и запишем. – И милиционер, высунув от усердия язык, стал чиркать на листке карандашом.

Спустя минуту новый вопрос:

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать годов стукнуло в Пасху сего года.

– Значит, родился ты... – Милиционер закатил глаза, высчитывая, потом понял, что запутался, посмотрел на меня и спросил: – И когда она была, эта твоя Пасха?

– Первого мая.

– Так бы сразу и сказал, а то голову только дуришь. – И снова стал черкать карандашом на листке бумаги.

Снова поднял глаза.

– Место проживания? Ну, чего смотришь? Где жил все это время?

– В скиту, а после того, как мать померла, ушел.

– Чего так?

Я просто смотрел на милиционера и ничего не говорил. Не твое дело, говорил мой взгляд, захотел и ушел. Молчание не успело затянуться, как пришла нянечка, старушка с побитым оспой лицом. Она принесла на тарелочке два пакетика с порошками и стакан воды.

– Ты погоди немного, служивый. Ему порошки по времени выпить надо, как дохтур прописал.

Милиционер встал, отодвинул табурет и дал пройти к кровати нянечке. Та поставила на деревянную тумбочку блюдечко с бумажными пакетиками, а рядом стакан с водой. Развернула один из пакетиков, ловко сложила его вроде трубочки, затем поднесла к моему рту.

Я привычно открыл рот. Проглотив противно-горький порошок, я перекрестил протянутый мне нянечкой стакан воды и только после этого его взял. Смыв горький привкус, я точно так же выпил еще одно лекарство. После того как я закончил прием лекарств, нянечка забрала

блюдечко и стакан и вышла из палаты. Милиционер за это время несколько раз хмыкал, правда, непонятно, с интересом или еще больше возросшим недоверием, после чего снова подвинул табурет и сел. С минуту смотрел на меня, потом продолжил допрос:

– Так что случилось у вас там? Почему ты ушел?

– Просто ушел. Решил мир повидать.

– А не врешь? – он испытующе посмотрел мне в глаза. – Ладно, поверю. Но если врешь – берегись! Лучше сейчас все скажи, потому как проверять будем тебя... по все статьям. Сам в твой скит съезжу и там все узнаю.

Я заметил, как дрогнули краешки губ у Лукича, и как, пусть негромко, но достаточно звучно хмыкнул Семеныч. Милиционер только покосился на него, но ничего не сказал. Даже я, мало чего понимающий в раскладе здешних отношений, понимал, что поездка милиционера в скит – это просто один из способов самоубийства.

Тут дверь палаты снова открылась, и к нам направился единственный доктор нашей больницы. Пенсне и борода. Как мне уже было известно, фельдшер с женой, которая состояла при больнице сестрой-хозяйкой, уехали из села через пару месяцев после октябрьского переворота, а через год, когда в уезде появились банды, вслед за ними уехали две медсестры. Что держало здесь врача, я не знал.

– Здравствуйте. Я врач, Михаил Сергеевич Ватрушев.

– Здравствуйте, товарищ доктор. Старший милиционер Трофилов Илья Степанович, – представитель власти поднялся с табурета. – Вы осматривали больного?

– Неоднократно, а также внесли соответствующую запись в его больничную карту. Никаких следов уголовных татуировок на его теле не обнаружено. На руках присутствуют признаки тяжелого физического труда, что неудивительно при их жизненном укладе. Есть след от огнестрельного оружия. Очень старый. Также шрамы от звериных когтей. М-м-м... В общем, это все.

Милиционер повернулся ко мне.

– Кто в тебя, парень, стрелял?

– Дело прошлое, – я посмотрел на милиционера и понял, что он не отстанет. – Несчастный случай. На охоте.

– На охоте, говоришь? – сейчас в его голосе слышалась угроза, он пытался на меня давить. – Может, ты просто правду сказать не хочешь?

– Один Бог правду знает, но не люди.

– Нет твоего бога, и никогда не было! – скривился от моих слов представитель власти. – Его попы придумали! И тебе тоже голову задурили.

– У нас попов нет. Наша вера от сердца идет, – тихо и смиренно, как и положено истинному верующему, ответил я.

Трофилов открыл было рот, но говорить ничего не стал. Воспользовавшись паузой, врач поинтересовался:

– Я могу идти?

– Да. Спасибо. Хотя погодите! Товарищ доктор, когда его можно будет выписать из больницы?

– Организм сильно истощен. Егор сейчас словно, скелет: кожа да кости. Раны затягиваются. Был вывих и растяжение связок в левой ноге, но все скоро войдет в норму. Так что недели две еще полежит.

– Спасибо, товарищ.

– Не за что. Обращайтесь.

Дверь за врачом закрылась. Представитель власти снова сел на табурет.

– Все! Насчет веры больше не спорим, – буркнул недовольный милиционер. – Лучше правду скажи: почему из скита ушел?

– Ушел. Других оно не касается, – тихо, но веско сказал я.

– Других, – повторил милиционер. – Ты что, в другой стране живешь? Мы все – советский народ, единый и сплоченный. Ты или враг, или вместе с нами, другого быть не может. Решать тебе.

Я придал лицу задумчиво-испуганное выражение:

– Почему враг? Я не враг людям. У меня и в мыслях не было разбойничать.

– Да я не это хотел сказать! – раздосадованно воскликнул Трофилов. – Ты, Аграфов, мне тогда так скажи: ты за советскую власть или против?

Я включил «дурачка».

– А как надо? Как правильно?

– Тьфу! – чуть не сплюнул на пол милиционер. – Вы посмотрите на него! Как правильно! Ты совсем, что ли, такой непонятливый?! Про коммунистов слышал? А про Ленина?

– Про коммунистов и Ленина не слыхал. Они кто?

– Ты что, совсем дикий? – в его голосе чувствовалось явное раздражение.

– Почему дикий? – придал лицу выражение обиды. – Я грамоте обучен. Читать и писать могу.

– При чем тут твоя грамотность, Егор? Ты хоть про революцию слыхал?!

– Про ре... люцию слыхал, и про то, что большевики – это дети Антихриста, слыхал, а про коммунистов не слыхал.

– Вот же вражьи дети! – не выдержав, уже в сердцах сердито воскликнул представитель власти. – Что удумали! Дети Антихриста! Телепень ты лесной! Дитине девятнадцать лет, а он в политической ситуации разбирается, как сущий младенец! Твой бог...

– Нашу веру не троньте! – перебил я его, придав голосу суровости.

– А! Что с тобой говорить. Да и не мое это дело. Пусть с тобой об этом комсомольцы спорят, – милиционер аккуратно засунул исписанный листок в планшет, потом встал. – Значит так, Егор Аграфов. Как выйдешь, так первым делом ко мне придешь. В отделение милиции. Понял?

– Понял.

– Хорошо, если понял. К этому времени я буду знать, что с тобой делать.

Милиционер рефлексивно поправил фуражку и направился к двери.

Я задумался. Как вести себя, я приблизительно представлял. Буду и дальше изображать старовера, тем более что правила жизни староверов, намертво вбитые в подкорку моего сознания, никуда не делись. Именно они сейчас определяли на рефлексорном уровне мои действия и поступки. С этой стороны у меня подвохов не должно быть, зато мой современный язык мог запросто подвести меня, превратив в заграничного шпиона. Да и ориентировки на меня никто не отменял. Побег был совершен, причем массовый, а это означает, что описания беглецов должны быть во всех милицейских участках. Моя физиономия там точно есть.

Может, сбежать, пока не поздно? Вот только меня от ветра шатает, в туалет иду, держась за стенку. Мне бы еще пару недель, а там уже и о побеге можно думать. Да и с документами как быть? Если местная милиция не опознает во мне беглеца, то есть хороший шанс получить какой-нибудь документ.

Глава 2

Начальник местного отделения ГПУ Степан Евсеевич Скидок сидел в своем кабинете под портретом Ленина и думал о том, как ему покончить с бандой Левши. Не так давно он был заместителем начальника отдела в уездном ГПУ, но совершил ошибку и был отправлен в почетную ссылку. Перед отправкой его бывшее начальство намекнуло: если он приложит усилия и наведет окончательный порядок на месте, простим и вернем в Красноярск. Уже три месяца он находился в этом богом проклятом селе.

«Да, совершил проступок. И что? Ошибся. С кем не бывает, а так верой и правдой служил. Ну расстрелял не тех. И что? Там все одно контра была».

В дверь неожиданно постучали, Скидок раздраженно вскинул голову, дверь приоткрылась, и в узком проеме показалось симпатичное личико его секретарши, а также любовницы Наточки.

– Степан Евсеевич, к вам товарищ Конопля.

– Давай его сюда!

В кабинет зашел агент первого разряда, являющийся заместителем начальника по оперативной части. Тяжелое, мясистое лицо. Со стороны он казался тяжелым, неповоротливым, тупым мужиком, но на деле был хитрым, изворотливым и жестким человеком. Именно он должен был получить должность начальника, а вот на тебе! Прислали этого выскочку из Красноярска. Вначале они были врагами, но спустя какое-то время, после серьезного и откровенного разговора, пришли к соглашению: как только Скидок уходит на повышение, то вместо себя оставляет Макара Коноплю. Начальник пошел на такое условие, прекрасно понимая, что без своего оперативника он пустое место, а тот жил здесь уже полтора года, значит, имеет нужные связи и агентуру. Когда ему было нужно, Скидок умел ладить и находить верный тон с подчиненными.

Ехал он в село с большой неохотой, так как знал, что прежний начальник пропал неизвестно куда и его до сих пор не нашли. Еще он прекрасно понимал, что здесь у него будет много ответственности и мало власти, но даже с этим можно смириться, если бы не банда Левши, которая отличалась от остальных бандформирований антисоветской направленностью.

Лесных бандитов ловили долго и трудно, но все безрезультатно, и уездное начальство уже не знало, что ему делать. Левша никак не хотел утихомириваться, а за две последние недели совсем разбушевался: разогнал коммуны, повесив председателя и его заместителей, расстрелял пять человек из агитационной бригады, которая ездила с концертами по уезду и агитировала за советскую власть. Но при этом артистов бандиты не тронули. После этого у уездного начальства в Красноярске лопнуло терпение, следствием чего стал звонок, во время которого заместитель председателя уездного ГПУ по борьбе с контрреволюцией в весьма доступной форме изложил, что будет со Скидком, если тот в течение двух недель не покончит с бандой Левши.

– Что скажешь, товарищ Конопля? Есть что по агентуре? И вообще есть что-то новое?

– Для нас – ничего. Шесть пустых доносов да пьяный разговор рабочих кирпичного завода, где они ругали советскую власть. Дескать, при царе им исправно платили, а теперь уже три месяца денег не видят. По Левше ничего нет, как сквозь землю провалился, – Конопля внимательно посмотрел на начальника, как тот отреагирует на его слова.

Скидок тяжело посмотрел на своего заместителя.

– Плохо. Нам две недели отпустили, Макар, потом приедет следственная комиссия. Если не решим поставленную перед нами задачу, нас с тобой вмиг в контру запишут, а дальше... Да ты и сам это понимаешь.

– Понимаю я, Степан, все понимаю. Только что я могу сам сделать? Надо ждать донесений. Агенты мне сразу дадут знать, как только кто-то из его людей в селе или на станции

появится. Вот только у него, ты и сам знаешь, стукачей здесь поболее будет, да и местная контра его поддерживает, а сделать против них мы ничего не можем, так как в любой миг мятеж подымут. А Левше только того и надо! Порубят нас в капусту, и поминай как звали!

Начальнику, работавшему сначала в ЧК, а потом в ГПУ, уже пару раз приходилось сталкиваться с подобными ситуациями, которые чем-то походили на весы. Вот и здесь сельсовет вместе с расквартированным взводом ЧОНа, чекистами, милиционерами и частью жителей лежали на одной чашке, а на другой были лесные банды, имевшие неслабую поддержку со стороны местных жителей. Если отряд Вешателя, который возглавлял бывший капитан царской армии, представлял собой шайку воров и убийц, ненавидели, то к Левше и его людям местные жители относились неоднозначно, так как тот воевал только с советской властью.

Историю, как командир красного партизанского отряда Семен Торопов, воевавший с Колчаком, стал атаманом Левшой, знали все, от мала до велика. По чьему-то доносу, в котором говорилось, что младший брат Торопова – контра, тот был арестован, а затем расстрелян. Стоило Семену узнать об этом, как красный командир стал бандитом Левшой.

С того момента как он появился в окрестных лесах, его все ловят и ловят, а прошло уже полтора года. За это время уезд дважды присылал войска для уничтожения банды. Когда прочесывание окружающих лесов ничего не дало, прислали усиленный отряд с десятком опытных охотников и следопытов. Спустя три дня он попал в засаду, откуда сумела вырваться только треть людей.

После этого на пару месяцев наступило затишье, а затем все началось снова, и тогда решили взять бандитов не силой, а хитростью, и подослали в отряд Левши двух тайных агентов. Прошло какое-то время, и наконец от них была получена записка с указанием места стоянки банды. Вот только прибывший на место усиленный отряд нашел там не банду, а двух повешенных агентов. Трое суток обозленные до чертиков чекисты и чоновцы мотались по близлежащим лесам, но так никого и не нашли.

Вот только спустя месяц после этих событий на Коноплю неожиданно вышел один из его агентов и сказал, что его свояк, который сейчас находится в банде Левши, за полное прощение согласен сдать местонахождение банды Торопова. Состоялась встреча, на которой все было оговорено, вот только после этого агент как в воду канул. Через день Конопля навещал два тайника, где агент Пчела должен был оставлять записки, но пока ничего не пришло. Теперь им приходилось только ждать. Невнятная ситуация и висевшая над головой угроза из Красноярска бесила и нервировала обоих чекистов.

– Я будто этого не знаю! Вот только здесь кулак на кулаке сидит и кулаком погоняет. Контра проклятая!

Готовы в любой момент ударить нам в спину! Макар, что делать будем? Пчела молчит. Может, его уже прикопали? Как думаешь?

– Не знаю, что и думать. Сам извелся. В тайниках, которые мы с ним обговорили, ничего нет. Меня только одно успокаивает. Если бы Левша прикончил Пчелу, то мы бы его уже нашли. Повесил же он тогда напоказ двух засланных агентов с табличками на груди «Крыса чекистская».

– Может, он на хуторах отсиживается? – предположил начальник ГПУ. – Или к староверам ушел?

– Может, и так, но староверы его точно не примут. Кровь человеческая у него на руках, а они этого не приемлют. Кстати. Из милиции запрос пришел. Местные более недели назад нашли молодого парня у железной дороги. Думали, помрет, ан нет, выжил. Оказалось, что он старовер. Егор Аграфов. Просят узнать: не числится ли он за нами?

– Так узнай, – недовольно буркнул Скидок, которого не покидала мысль о банде Левши. – Что еще?

– Сводка из милиции. Два трупа. Один на железной дороге нашли, свежий. Похоже, пьяный с платформы упал да головой об рельсы. Другое тело в лесу обнаружили. Кто, что – непонятно. Времени прошло немало, да и зверье сильно погрызло. Четыре пьяных драки. Одна из них с ножевыми ранениями. Кражи. Все по мелочи. Нэпман Савостиков в милицию жалобу написал, что кто-то пытался его лавку поджечь, – помолчал, ожидая реакции начальника.

– По Вешателю есть что-то?

– Тоже нет ничего. Может, ушел?

– Не уйдет! Эта белогвардейская сволочь пообещала нас с тобой на суку вздернуть, а судя по тому, что я о нем слышал, он привык отвечать за свои слова. Так что или мы его, или он нас. Об этом все. Теперь давай думать, как нам с Левшой разделаться.

– Да я с утра до вечера только об этой бандитской сволочи и думаю! Еще я думаю о том председателе комбеда, который заклеил контрой его брата и сдал властям, а также о чекисте, шлепнувшем его. Это они, падлы, нам всю эту карусель устроили!

– Брось, Макар. Ты сам должен помнить, что в Сибири в те годы творилось.

– Знаю, только мне от этого не легче, потому как меня за их безответственность через пару недель могут к стенке поставить. Тех-то Торопов, как я слышал, давно в расход пустил, а меня еще такое, возможно, ждет. – Увидев недовольное выражение лица начальника, резко поменял тему: – Понимаю, что бесполезно злобу копить, только сердцу не прикажешь! Ладно. Все, забыл. Только что с этим наглым бандитом делать будем?! Народ не хочет против него говорить, так как он, как всякая сволочь выражается, только камуны режет. Да ты и сам, Степан, знаешь, как в большинстве народ к нам относится. Теперь вон каждый второй кричит, что мы много чего обещали, а на деле ничего не дали. Я уже и сам...

– Это ты брось, Конопля! Не след такие слова чекисту и коммунисту произносить, а главное, даже думать не смей! Выкинь эту дурь из головы! Нам партия доверила защиту достижений социалистической революции, а это значит, что мы должны выполнить поставленные перед нами задачи!

Агент первого разряда бросил скептический взгляд на своего начальника, в котором читалось: языком болтать – не мешки таскать.

– Я разве спорю? Это они говорят, а не я! – и Конопля добавил возмущения в свой голос. – Тогда я вот что еще скажу. Похоже, что есть среди нас крыса. Уж больно гладко у бандитов получается от нас уходить. Ты как думаешь?

– А чем подтвердить свои слова у тебя есть? Уж больно огульно ты говоришь!

– Нету, – недовольно буркнул чекист.

– Когда будет, тогда и говорить будем. Значит, у нас есть только Федька Оглобля, – начальник тяжело вздохнул. – Вот только показаний на него нет никаких. Или все же что-то есть?

– Ничего. Исчез, а через месяц вернулся. Сказал, что на охоту ходил, потом на хуторе у своего родственника жил. Впрочем, я уже об этом докладывал. Может, с пристрастием его допросим? Как, товарищ начальник? Молодой, зеленый, должен расколоться.

– Ага! А кто мне говорил, что у него родни четверть села?

– Это да. Так что тогда делать?

– Да не знаю я, Макар! Не знаю! Все, иди.

На следующее утро Конопля без стука ворвался в кабинет начальника. Не обращая внимания на строгий взгляд, он почти с порога чуть ли не за кричал:

– Нашел, товарищ начальник, нашел!

– Дверь, Макар, закрой, а только потом докладывай.

– Есть!

– Да садись ты, садись, – в голосе Скидока чувствовалось нетерпение. – Не тяни! Говори, что там у тебя.

– Помнишь, вчера про старовера тебе говорил? Ну, тот, который из леса вышел! – после кивка начальника он продолжил. – Так вот. Есть он в нашей картотеке. К тому же в розыске сейчас! Около двух лет назад был осужден за нападение на отряд ЧОНа, за что получил четыре года.

– Так мало? – удивился Скидок. – Если все так, как ты говоришь, так к нему высшую меру социальной защиты должны были применить. Прямо на месте, без всякого снисхождения. Погоди, а что за статья?

Конопля быстро достал из кармана листок бумаги и зачитал:

– Вооруженное сопротивление органам власти при выполнении ими официальных обязанностей. Контра он! Каэр одним словом!

– Контра – это хорошо. Так он сейчас в бегах?

– В бегах, Степан, как есть в бегах. Дела на него у нас нет, а архивы запрашивать, сам знаешь, муторное дело, так я решил телефонировать начальнику домзака, где он отбывал срок. Мне здорово повезло, что сумели с ним соединить, к тому же он оказался свой, надежный товарищ. Остап Заварной, бывший матрос Балтфлота. Он поднял дело Ивана Микишина... Кстати, это и есть настоящая фамилия нашего старовера. Так вот, он, этот Микишин, вышел из леса, наставил охотничье ружье на бойцов ЧОНа и застыл столбом. Там вроде у кого-то из бойцов нервы не выдержали... ну и подстрелили старовера.

– А чего этот Микишин не стрелял?

– Сказал следователю, что вера не дала ему выстрелить. Дескать, не по-божески кровь человеческую проливать.

– Не смог, значит. Малахольный, что ли? М-м-м. А зачем ЧОН приезжал в скит?

– Тут сплошные непонятки. Вроде кто-то донес, что там, в скиту, староверы укрывают белогвардейскую сволочь. Вот чекисты к ним и нагрянули. Что там было, ему неизвестно, но скит сожгли и староверов постреляли. Похоже на то, что парнишка решил отомстить, да не смог. Суд отмерил ему революционную меру наказания – четыре года. Отсидел он из них полтора года, после подался в побег с пятью отпетыми урками. Товарищ Заварной в нескольких словах описал их: отпетые душегубы, клейма негде ставить. За одним только Зиновием Савеловым по кличке Бритва по бумаге семь трупов числится. К чему все это я тебе говорю. Получается, что Микишин не просто беглый уголовник, а как бы контра отпетая, а для бандитов как бы свой получается, а, Степан Евсеевич?

– Мысли твои, Макар, для меня понятные, только как мы его к Левше сунем? Его здесь никто не знает. Даже если каким-то чудом он попадет в банду, так с него там глаз не спустят, да и проверять не один день будут. К тому же мы не знаем, что за человек этот старовер. С ними меня судьба не сводила, но слышать приходилось, что те упертые в своей вере точь-в-точь как бараны.

Конопля какое-то время думал, а потом сказал:

– Не думаю, Степан. Тюрьма кого хошь ломает, а уж такого божьего угодника... Думаешь, на рывок с урками он пошел от хорошей жизни? А уголовникам только в радость. В первых, лес знает, а во-вторых, при нужде за «корову» сойдет.

– Может, ты и прав, – начальник замолчал, явно что-то обдумывая.

Несколько минут прошли в тишине, потом Конопля не выдержал:

– Я так понимаю, ты какой-то уже план придумал. Я прав?

– Может, да, может, нет. Как насчет того, чтобы устроить побег Оглобле?

– Побег? С какой такой радости? А, погодь. Кажись, понял. Хочешь старовера к Оглобле пристегнуть?

– Смотри сам. Статья у него самая что ни на есть подходящая, так что легенда ему не нужна. Ему ведь только и надо, что передать записку Пчеле. Это наш шанс!

– М-м-м... Может... и получится.

– Этот... Как его... Микишин. Ему надо как следует втолковать, чтобы он понял: ежели не согласится, то гнить ему в тюрьме до самой смерти. Понимаешь меня, Макар?

– Да как не понять, понимаю, конечно, – Конопля снова задумался, – вот только сомнение у меня появилось. А ежели он просто в лес уйдет? Что тогда?

– Тогда, – повторил за ним начальник, – нас с тобой Красноярск сначала наизнанку вывернет, а потом к стенке поставит. Хочешь жить, Макар, тогда запугай его, вбей ему в голову, что только мы ему можем помочь. Больше никто! Впрочем, ты и сам все понимаешь. Короче, бери кержака... Хотя нет, погодь. Пусть его милиция примет, а мы его потом тихонько к себе заберем. Причем пусть возьмут его показательно! Чтобы все знали, что он беглый преступник, убийца и контра! Понял?

– Да как не понять. Все, кому надо и не надо, будут знать, что самого что ни на есть злобного душегуба взяли.

– Как беседу с ним проводить, думаю, тебя учить не нужно, вот только не перегибай палку. Обещай, что хочешь. И побег простим, и судимость снимем, и документы выдадим.

– Если он такой, как мы думаем, то все должно получиться. Только есть одна заকাвыка. Побег был массовый, а из леса он один вышел. Может, не так все с ним просто?

Теперь пришла очередь начальника задуматься.

– Вот ты его об этом и спросишь, – сказал он спустя пару минут. – Значит, так. Берем его, трясем, а по ходу дела будет видно, как с ним работать.

– Как скажешь, товарищ начальник.

Конопля понимал, что план сшит на живую нитку, да и начальник ухватился за него из-за безысходности. Удастся ли обработать, как надо, скитника? Да и как Оглобля себя поведет? Может, он действительно не имеет никакого отношения к банде? Одни вопросы, и ни одного ответа.

– Все, иди. Хотя погодь, Макар. Ты сначала осторожно узнай, как он там, а то, может, помирать собрался, а мы на него планы строим.

– Сегодня к вечеру все вызнаю, а завтра с утра обо всем доложу.

Заканчивалась моя вторая неделя пребывания в больнице. Я сидел на лавочке, стоявшей возле главного входа больницы, и просто наслаждался хорошей погодой и чистотой тела. Вчера вечером у нас была баня, где я драил свое худое и мосластое тело изо всех сил. Догадки о том, как и почему я оказался в этом времени, меня как-то перестали волновать. Просто принял за реальность то, что со мной произошло, и стал жить дальше. В той моей жизни со мной всякое-разное случалось.

От когтей зверя остались только рубцы на коже, с ногой тоже все нормально, поэтому настроение у меня было не то чтобы радостное, а скорее сказать, умиротворенное. Живой, молодой – что еще надо! Хотя один минус все же присутствовал: постоянно хотелось есть, да и еда в больнице желудок не сильно радовала.

Только я подумал о том, что прошло две недели, а милиция ко мне интереса не проявляет (это хороший знак), как увидел вывернувших из-за угла здания больницы двух милиционеров, один из которых был мой знакомый, старший милиционер Трофилов. Судя по всему, они сначала зашли в палату, но, не найдя меня, пришли сюда.

«Поторопился я с выводами», – подумал я, глядя на подходивших ко мне представителей органов власти, затем стал ждать, что мне предъявят.

Трофилов первым подошел ко мне, затем отстегнул клапан кобуры и положил руку на рукоять револьвера.

– Гражданин Микишин, вы арестованы и должны последовать за нами. – Это было сказано напряженно-деревянным голосом.

Второй милиционер, молодой парень моего возраста или чуть старше, вышел из-за его спины и встал чуть в стороне, после чего достал револьвер и направил ствол мне в грудь. За их

действиями наблюдали двое больных, кутивших самокрутки, одним из которых был Лукич, и шедший по своим делам истопник больницы Трофим. При виде милиционеров он остановился и с любопытством стал смотреть, как меня арестовывают.

Стоило мне услышать свою настоящую фамилию, как сразу пришла мысль о побеге, но, мелькнув, тут же исчезла. Был бы я в хорошей физической форме, можно было бы попробовать, но только не сейчас. Да и куда бежать, если кругом тайга? Пришлось встать с покорным видом и спросить представителей власти потухшим голосом:

– За что?

– Обвинение тебе следователь предъявит, а нам приказано тебя привести! Одежда в палате?

– У меня ничего нет. Только то, что на мне, – я перекрестился и сказал: – Да не оставит меня господь своей милостью.

– Сам беглый вор и убийца, а изображает перед нами святошу! – криво усмехнулся второй милиционер.

«Арест словно сцена в третьесортном театре».

Второй акт спектакля состоял в том, чтобы меня одеть и обуть. Поиски длились полчаса, зато я вышел из больницы одетый по моде ходоков с картины «Ленин и ходоки». Только старого и замызганного тулупа у меня не было, а все остальное было. Грива нечесаных волос, борода, синяя полинялая рубаха, серые непонятные штаны с латками и дырками, подвязанные веревкой, а на ногах – онучи и лапти. Стоило врачу услышать, что я беглый убийца, как в его глазах проскочил ужас, но, к его чести, он проявил акт великодушия и не стал забирать нижнее белье, которое мне выдала больница.

В таком виде, под охраной двоих милиционеров с направленными на меня наганами, меня повели в отделение милиции. Я плелся с унылым видом, время от времени крестясь и читая молитвы. Народ, завидев нас, останавливался и начинал глазеть, высказывая в отношении меня самые разные предположения.

– Небось, шпиена поймали, – сначала высказал догадку кто-то из любопытных жителей.

– Какой это шпиен, это белая контра!

– Какая контра, дурья башка?! Ты глянь на него! В рвань одет, лицо голодное, а ноги сами заплетаются. Видать, в лесу поймали, а теперь допрашивать ведут.

– Чего его допрашивать, ежели он из леса?

– Так может, он бандит? – высказал предположение еще кто-то.

– Дурья башка! Да старовер он! В больничке лежал! – возмутился какой-то мужчина. – Я родственника там навещал, он мне его и показал.

– Эй, Трофилов, это кто?! Старовер или бандит?! – выкрикнул еще кто-то из местных жителей.

– Тебе знать не положено! – ответил как отрезал милиционер.

Спустя десять минут меня затолкали в камеру. Эти помещения остались властям по наследству от царского режима; как мне потом сказали, здесь в те времена был полицейский участок. Меня втолкнули в крайнюю камеру, где уже сидел молодой долговязый парень, который с напряженным интересом стал меня разглядывать. Не обращая на него внимания, кинул взгляд по сторонам. Два топчана да ведро с крышкой, которое изображало отхожее место – вот и вся меблировка этого места. Стоило двери закрыться за мной, как меня сразу облепила душная сырость с запахом дерьма и вонючих портянок. Я присел на свободный топчан.

– Ты кто? – спросил меня сиделец.

Очень хотелось ответить ему: «Конь в пальто», но вместо этого сказал:

– Человек божий. Зовут меня Иваном.

– Это ты из раскольников?

– Старовер я. Ушел из скита. Решил мир увидеть, – привычно соврал я.

– Из Дубининского, что ли?

Отвечать не стал, а вместо этого тихо забормотал молитву. Верзила хмыкнул, какое-то время молчал, разглядывая меня, потом спросил:

– А чего одет как пугало?

– Долго шел, вот одежда и истрепалась, а та, что на мне, добрыми людьми дадена.

– Ихняя доброта через дырки в твоих штанах видна. – И парень заржал.

Я сделал постное лицо и наставительно произнес:

– Все, что ни сделано, то божий промысел.

– Божий... промысел? Ну-ну. Слышал о тебе краем уха. Меня Федором зовут. Еще прозвище есть. Оглобля, – он думал, что мне будет интересно, откуда оно взялось, но, к его разочарованию, я промолчал, соорудив постное лицо. – На прошлогоднюю Пасху драка была. Мне тогда хорошо в ухо дали. Встал с земли, забежал в свой двор, схватил оглобля и на них! Эх, хорошо мы тогда помахали кулаками. А вот сейчас за что взяли, никак в толк не возьму! А тебя за что?

Коротко рассказал, что вышел из лесу, весь из себя раненый, а меня, вместо того чтобы как следует лечить, в казематы тюремные упекли. Естественно, что при этом не упомянул ни о тюрьме, ни о побеге. Оглобля о чем-то задумался, а я не торопился продолжать разговор.

Тут щелкнул замок, дверь распахнулась, на пороге стояли двое: тюремщик и незнакомый мне милиционер.

– Микишин, на выход!

Мы сначала поднимались по лестнице наверх, затем шли по коридору, пока не остановились перед одной из дверей. Милиционер постучал, затем открыл дверь и отрапортовал:

– Арестованный Микишин доставлен!

– Давай его сюда, а сам жди за дверью.

– Давай, топай, – буркнул милиционер, а для ускорения ткнул кулаком в спину.

Перешагнув порог, я огляделся. Кирпичные стены с сырыми потеками, окно, забранное частой решеткой и снабженное внешними ставнями, массивный стол на ножках, настольная лампа, чернильница, перьевая ручка и пара папок, лежащих перед хозяином кабинета. Это был крупный мужчина с толстой шеей и массивными кулаками. Кивнув мне головой на табурет, стоящий перед его столом, буркнул:

– Садись.

Мельком отметил, что табурет прикреплен к полу. Сел.

– Имя. Фамилия. Место проживания.

После короткого опроса он спросил меня, каким образом был осуществлен побег.

– Я не знаю. Мы просто ушли.

– Ладно. Это не мое дело. Лучше скажи, чего тебе там не сиделось?

– Это место – сонм неприкаянных, жестокосердных людей. От них у меня вся душа испарана и кровоточит. Там царит безнадежная тоска, и душу пронизывает насквозь беспросветность, – с плачущим выражением лица забормотал я. – У меня даже мысли появились о смертоубийстве. Да, грех неизбывный...

– Ай-я-яй! Грех-то какой, – поддразнил меня следователь. – Твой грех, сектант, в том, что ты поднял руку на представителей советской власти! Советская власть не сажает трудовой пролетариат в тюрьму без причины! Раз и навсегда это запомни! А ты – контра! И место таким, как ты, в тюрьме, святоша!

– Не хочу в тюрьму! Не хочу, не хочу, – забубнил я, изображая испуганного и забитого парня.

На лице следователя отразились безразличие и раздражение.

– Тьфу на тебя, дерьмо ангельское! Говорить с тобой, что воду решетом черпать. Эй! Дежурный! – Дверь открылась, на пороге стоял милиционер. – Давай сюда Сурикова!

Я сидел спиной к двери, сжавшись, и бормотал молитву, когда Суриков зашел в кабинет. Следователь, выходя, бросил негромко, но я услышал:

– Василий, ты с ним помягче.

– Да понял я, понял, – прогудел здоровяк, становясь передо мной.

При виде его я внутренне содрогнулся: у него руки были толщиной, что мои ноги.

– Ну что, поговорим?

У нас с ним, видно, были разные понятия о том, как вести разговор, потому что в его исполнении он начался с удара мне в ухо. К слову сказать, хотя это и было больно, но при этом мне ничего из внутренних органов не повредил, а значит, был неплохим специалистом в своем деле. Я падал с табурета, сжимался в комок и громко хныкал, совсем как маленький ребенок.

Он давал мне полежать на полу ровно столько времени, чтобы выкурить папиросу, потом с гадливостью в глазах поднимал меня, чуть ли не за шиворот и продолжал экзекуцию.

Через полчаса снова пришел следователь. В этот момент я снова лежал на полу и хныкал.

– Ну что?

– Да дерьмо это, а не человек, – с прямой истинного пролетария высказался Суриков. – Как еще не обосрался, не понимаю.

– Свободен.

Когда дверь за моим мучителем закрылась, следователь сел за стол, потом сказал:

– Подымайся. Он уже ушел.

– Мне больно-о-о. У-у-у!

Сделать страдальческое лицо и стонать мне было несложно, так как палач хорошо знал свое дело. Следователь сидел и смотрел со скучающим лицом, как я, стеная, забрался на табурет, а затем вдруг неожиданно спросил:

– Хочешь пряника?

– Пряник? – я натурально удивился и только сейчас заметил какой-то кулек у него на столе.

– У меня и чай есть. Хочешь чаю? Я сейчас скажу, и нам кипяточка принесут. Ты как?

– Не знаю, – недоверчиво ответил я, уж больно был неожиданным поворот.

– А что так? – следователь улыбнулся щедро, в полный рот. – Я от всей души предлагаю.

Когда разговаривал с Оглоблей, я одновременно пытался понять, что происходит. Мой арест в больничке выглядел, как дешевое представление.

«Теперь и сейчас идет продолжение этого спектакля. В последнем акте мне, скорее всего, скажут, что им от меня надо», – так я думал, глядя на следователя, заодно автоматически прикидывая, что я могу с ним сделать, если мы с ним не найдем общего языка. Даже при моей физической немощи воткнуть ручку в глаз или горло своему палачу не составит труда, затем убить дежурного и завладеть наганом. Вот только что дальше? Думается мне, что я даже до окраины села не доберусь. При такой рекламе, что мне создали, меня просто шлепнут местные жители, тем более что они здесь все охотники. Нет, был бы я в полной силе, такой вариант еще можно было рассмотреть, а так – нет! Именно поэтому я сел со следователем пить чай с пряниками. Слушая его пустой треп о том, как хорошо на свободе и как плохо сидеть в тюрьме, время от времени я менял выражение лица, подыгрывая ему. После того, как я доел последний пряник, он закончил свои убеждения, затем мягко спросил меня:

– Значит, не хочешь в домзак?

– Нет! Лучше умереть! Это преддверье ада! Там правят жестокосердные, нераскаянные грешники, слуги Антихриста! – я придавал истерики своему голосу.

Следователь скривился, затем подождал, пока я закончу стенать, после чего сказал мягко и вкрадчиво:

– Знаешь, а я тебе почему-то верю. Вот только даже хорошие люди совершают ошибки, которые им приходится исправлять. А их обязательно надо исправлять! Ты со мной согласен?

– Да. Только человек изначально грешен и по-другому никак не может. Правда, можно покаяться и замолить свой грех или...

– Нет, Иван, нам не это надо. Ты же понимаешь, что нарушил закон, сбежав из тюрьмы. Понимаешь?

– Понимаю, что это большой грех, но я не могу там быть!

– Я знаю, что там... плохо, Ваня. Знаю и то, что ты не такой плохой человек, чтобы тебя там держать. Я верю тебе и хочу помочь. А ты мне веришь?

– Верю!

– Верь мне, Ваня, и у тебя все будет хорошо. Вот только для этого тебе надо будет кое-что для меня сделать. Ты же хочешь стать свободным человеком?

– Хочу! А что надо сделать? – я сделал заинтересованное лицо. – Только ежели надо убивать, то на это согласия своего не даю.

– Нет, ты чего! Никого убивать не надо! Дело, скажем так, не совсем простое, но для тебя труда особого не составит. Просто одному человеку надо записку передать. Тайно передать. Это все.

– Ежели так, то я смогу, – и я посветлел лицом.

Тот посмотрел на меня как на дурачка. Вместо того чтобы засыпать градом вопросов, этот недобитый сектант просто взял и согласился. На лице следователя появилось сомнение: стоит ли вообще связываться с этим придурком?

– Ваня, я же тебе сказал, что не все так просто. Этот человек находится в банде Левши.

– У бандитов? – я сразу изобразил на лице страх.

– Да, у них. Когда ты окажешься у бандитов, то надо незаметно передать ему записку, иначе будет плохо и ему, и тебе. Да ты и сам это должен понимать. Если у тебя все хорошо получится, ты поможешь многим людям, спасешь их от большой беды.

– Так значит, это богоугодное дело, – сказал я с задумчивым видом. – Грех не помочь хорошим людям. А как я там окажусь?

На лице следователя появилось кислое выражение. Ему хотелось прямого и точного ответа, а не библейских рассуждений верующего парнишки, как бы подразумевающих его согласие.

– Так ты согласен помочь советской власти? – в его голосе сейчас звучала суровость.

Сомнения следователя в отношении моей особы были написаны у него на лице. Что он перед собой видел? Крепкого, широкого в кости молодого парня, с ладонями-лопатами и по-детски наивными глазами. Что тот видел в жизни? Лес, а потом домзак! Конопля понимал, что из этого старовера получится такой же агент, как из дерьма пуля. Вот только отступать было некуда, а так появлялся шанс, что удастся выйти на след Левши.

Как и он, я, со своей стороны, пытался понять, что представляет собой следователь. Так я его называл по привычке, так как понял, чуть ли не с первой нашей беседы, что Макар Конопля, скорее всего, оперативник. Разбирается в людях, умеет работать с агентурой, вот только со мной у него вышла промашка, и дело не в моем притворстве, а в том, что он изначально видел перед собой молодого растерянного и испуганного парня, не предполагая для себя других вариантов. То, что он мне предлагал, меня устраивало, так как давало хороший шанс сбежать, вот только основные проблемы у меня начнутся, стоит мне оказаться на свободе. Здесь, в селе, меня ославили беглым преступником и убийцей, так что помощи от местных жителей, кроме пули, выпущенной в упор, не дожидаться, а выжить в лесу без продовольствия и оружия – плохая идея. Все это я прокручивал в голове не раз, приходя к выводу, что надо соглашаться, а там – как кривая вывезет.

– Ежели все так, как сказали, то я согласен!

Следователь встал со стула, потом, опершись на руки и подавшись в мою сторону, с минуту пристально смотрел мне в глаза.

– И бумагу напишешь, Ваня? Я знаю, что вы, староверы, грамоте обучены.

– А какая эта бумага?

– Как какая? Такая, что ты, Иван Микишин, согласен выполнить наше пролетарское задание с полной своей ответственностью.

– Ежели так, то напишу, как укажете, – и в подтверждение словам я кивнул головой.

– Теперь, Ваня, садись за мой стол и пиши.

Сев за его стол, я взял в руки деревянную ручку с сужающимся концом, на секунду снова задумался о том, сколько следовательно проживет минут, если я воткну ее ему в горло, а потом стал писать под диктовку:

– Начальнику ГПУ Степану Евсеевичу Скидоку. Так. Пропусти две строки. Да, начинай вот отсюда, – он ткнул пальцем в лист. – Я, Иван Микишин, девятнадцати лет от роду, обязуюсь помогать органам советской власти...

После того как я закончил писать и поставил свою подпись, он взял лист и помахал им в воздухе.

– Все. Иди, садись на свое место.

Обойдя стол, я сел на табурет. Оперативник сел на свое место, затем внимательно перечитал, что я написал, и только после этого положил лист в ящик стола.

– Теперь внимательно слушай, что тебе надо будет сделать.

Следующие два часа в меня вдалбливали инструкции, что и как мне нужно будет сделать, причем в двух вариантах развития событий. После того как я повторил основные пункты проведения операции, следовательно спросил меня:

– Все понятно?

Я кивнул головой.

– Хорошо. О том, что мы с тобой говорили, никому ни слова. Да ты, Иван, и сам все должен понимать. Завтра мы еще поговорим об этом. Дежурный!

Когда я вернулся после допроса, лицо Федьки имело совсем другое выражение. Скажем так, это была боязливая настороженность. Я сразу заметил, как он напрягся, стоило мне войти в камеру. Слегка постанывая и держась за бок руками, я уселся на свой топчан.

– Ты как? – осторожно поинтересовался Оглобля.

– Жить буду, правда, без особой радости, – недовольно буркнул я, потом вспомнил, что старовер и мне нельзя пока выходить из этой роли, прочитал короткую молитву и перекрестился.

Сложившуюся ситуацию надо было хорошо обдумать. Попадая сюда, я рассчитывал на побег с этапа, только вот теперь чекисты резко поменяли мои планы, сделав своим агентом. Подписанная мною бумага не играла для меня никакой роли, а вот то, что меня сделали в глазах местных жителей беглым уголовником и убийцей, было плохо. Чужаков здесь и так не привечают, к тому же местные жители были до крайности озлоблены. В лесу банды, поэтому в лес охотники ходили с опаской, работы было мало, да и платили через раз.

Осознанно или неосознанно, но чекисты все же сумели привязать меня к себе, обрезав мне все пути для побега. Несмотря на то, что почти выздоровел, я был далек от хорошей физической формы, не говоря уже о том, что не имел ни одежды, ни документов и оружия, а еще это проклятое, сосущее меня изнутри, постоянное чувство голода.

– Ты и правда беглый, как говорят?

«Интересно, зачем ему сказали, что я беглый? Или нас как-то собираются связать вместе? А что? Совместный побег, для более правдоподобного проникновения в банду».

– Господь отвернулся от меня, когда я нарушил его заветы, вот меня и постигла божья кара, – невнятно пробурчал я.

– Чего ты бубнишь там? Молитву?

– Не помолишься вовремя – душу без защиты оставишь, – уже сердито буркнул я, затем осторожно, с шипением и легкими стонами, улегся лицом к стене.

Следующие двое суток мне пришлось отвечать на многочисленные вопросы Оглобли, которого почему-то очень сильно интересовали тюремные порядки, а параллельно приходилось слушать инструкции и наставления оперативника. Был и плюс: как настоящий сексот, я получал дополнительный паек. Макар Конопля приносил суп, бутерброды с копченым салом и поил меня чаем с сухарями.

Детали операции мне были не известны, а только общее задание: просто надо человеку, без свидетелей, передать записку, а чтобы он мне поверил, при этом произнести одно слово – «пчела». Узнать его было несложно даже без описания, так как у него не было мизинца на левой руке. Основной упор в своих наставлениях Конопля делал на то, что и как мне надо отвечать на допросе у бандитов. Оперативник верил мне, но при этом с каждым днем все больше сомневался в том, что я гожусь для подобной роли. Изображая запуганного молодого парня, я угодливо соглашался со всеми его словами, поддакивал, суетливо ел, подбирая крошки, при этом нередко ловя его брезгливый взгляд.

Утреннее солнце освещало облупившуюся вывеску «СТ. С. НИКОЛЬСКОЕ», висевшую на приземистой каменной коробке железнодорожного вокзала, давно не чищенный сигнальный колокол и замусоренный перрон. На нем, наверное, давно не толкалось столько народа, как сегодня, за исключением группки беспризорников, считавших это своей территорией, и шнырявших среди людей, как крысы, в надежде что-нибудь выпросить или украсть.

Нас с Оглоблей и еще тремя крестьянами привез на железнодорожную станцию конвой, состоящий из двух красноармейцев с винтовками и чекиста. Понурые и растерянные крестьяне неделю назад что-то не поделили с местным комбедом, после чего приехали чекисты и оформили бедолаг как врагов советской власти. Помимо нас, здесь отправки в Красноярск ожидали три десятка дезертиров, которых наловили чоновцы. Мужики самого разного возраста, одетые вразнобой, кто в пиджаке, а кто в лаптях, курили махру, бросали злые взгляды на охрану и грязно матерились. Кроме них на платформе толпились два десятка их родственников и близких людей, которые перекрикивались с дезертирами через головы конвойных, создавая нездоровую, нервную обстановку.

Рядом с вагоном, куда нас должны были загрузить, находилась еще одна группа, с которой стояла парочка милиционеров. Насколько можно было понять, главным в ней был плечистый мужчина, наголо стриженный, в кожаной фуражке со звездой, с маузером на боку, державший в руках папку с бумагами. Рядом с ним стояли лохматый мужик в спецовке и пожилой дядька в фуражке с какой-то кокардой. Разглядеть, что на ней, с моего места было невозможно, но я решил, что это железнодорожник. С ними еще был совсем молодой парень, похоже, мой одноклассник. Судя по новой гимнастерке, португее, револьверу в кобуре и шашке, это начальник конвоя, который привез на вокзал дезертиров. Он нервно и часто поглядывал в их сторону, одновременно отвечая на вопросы бритоголового начальника.

Доставивший нас чекист, стоило ему их увидеть, сразу достал бумагу-сопроводилку и направился к ним, бросив охрану:

– Ждите здесь.

По привычке оценил обстановку и степень возможной опасности, отметил, что в толпе дезертиров растет напряжение. Особенно выделялась группа из нескольких человек, во главе которой стоял цыганистый парень. Глаза дерзкие, злые и наглые. Бросит взгляд по сторонам, потом скажет пару фраз своим напарникам, после чего те начинают поглядывать по сторонам.

«Теперь понятно, отчего командир нервничает. Точно буза будет».

План нашего бегства, придуманный Коноплей, был прост.

– Когда начнется погрузка дезертиров в вагон, возникнет суматоха. Чего смотришь? Так каждый раз бывает, поэтому постоянно посылаем в такие дни милицейский патруль на стан-

цию. Так вот, в этот самый момент ты толкаешь нашего сотрудника на одного из конвойных и ударяешься в бег.

Сотрудник перед самым выходом будет предупрежден и стрелять в тебя не станет. К тому же там, на платформе, буду я сам находиться. Если что пойдет не так, обязательно помогу. Так вот, ты прыгаешь с перрона и сразу лезешь под вагон, а там уже сам смотри, как тебе лучше будет. Тот парень, Федька, что сидит с тобой, должен увязаться за тобой. Видишь, Ваня, ничего такого сложного и опасного тут нет.

Не успел сопровождающий нас чекист передать свою бумагу железнодорожному начальнику, как случилось то, что должно было случиться. Одна из женщин, видимо, мать, пыталась передать узелок одному из парней-дезертиров, но конвойный ее оттолкнул с криком:

– Не велено!

Но при этом он не рассчитал своих сил, и женщина со стоном упала на платформу. Бешеным быком парень кинулся на красноармейца, но, получив прикладом по ребрам, вскрикнул от боли и согнулся пополам.

Воспользовавшись этим моментом, цыганистый парень неожиданно кинул свой вещевой мешок прямо в лицо конвойному, стоявшему напротив него, а затем кинулся на него. Красноармеец среагировал на мешок, но не смог уйти от жесткого удара в лицо и с криком упал на платформу.

Тут заводила громко крикнул:

– Бей красных сук! – И толпа на перроне пришла в движение.

На охрану кинулись с двух сторон – дезертиры и несколько мужиков из толпы провожающих родственников. В следующую секунду конвой был смят, и дезертиры кинулись в разные стороны, под одобрительные крики своих друзей и родственников. Один красноармеец из охраны выстрелил в воздух, чем еще больше подстегнул беглецов. Кто-то из них прыгал на пути и нырял под вагоны, другие бросились в толпу родственников, которые их пропустили, а сами встали стеной на пути красноармейцев.

– Стой! Стой! Стрелять буду! – заполошно кричали конвойные, щелкая затворами винтовок и скидывая оружие.

Впрочем, всего этого я не видел, так как в самом начале потасовки ударом кулака в челюсть сбил с ног одного из конвойных, который на пару секунд отвлекся на драку; второй красноармеец только успел вскинуть винтовку, как после моего сильного толчка на него налетел спиной один из крестьян. Боец покачнулся, а затем попытался поймать меня в прицел, но ему помешали крестьяне, которые кинулись в разные стороны, чтобы тот случайно их не пристрелил. Красноармеец окончательно растерялся и, переведя на них ствол, закричал:

– Всем стоять! Буду стрелять!

Перед тем как спрыгнуть с перрона, я мельком бросил взгляд через плечо. Единственный, кто среагировал на мое бегство, был чекист, который сейчас бежал в мою сторону, пытаясь на бегу расстегнуть кобуру. Спрыгнув на землю, я побежал вдоль поезда, за станцию, затем нырнул под вагон. У меня за спиной были слышны выстрелы, вопли и ругань. Вылез с другой стороны состава и сразу увидел на запасных путях грузовые вагоны, двери которых были настежь открыты. За ними виднелся лес, но передо мной было открытое пространство, состоявшее из двух железнодорожных путей, которое быстро не пересечешь.

Увидев развалины какой-то железнодорожной будки, видневшиеся впереди, я рванул к ним. «По крайней мере, укроют от пули, если будет погоня», – подумал я. Оглянувшись, когда услышал шум у себя за спиной. Это за мной бежал Федька. В ту же секунду заметил краем глаза, как из-под вагона медленно и неуклюже вылезал красноармеец с винтовкой.

«А где чекист?» – неожиданно пришла мысль и тут же пропала, так как мне, по сути дела, будет без разницы, чья пуля ударит мне в спину.

Последние двадцать метров я мчался на пределе своих сил, а добежав до укрытия, просто упал, тяжело дыша, за кусок развалившейся стены. Вот только времени отдыхать у меня не было. Осторожно выглянул и увидел, что охранник остановился, вскинул винтовку и прицелился.

– Оглобля, падай! – закричал я.

Федор среагировал на мой крик по-своему. Сначала дернул головой в мою сторону, потом зачем-то оглянулся, но при этом сбился с шага и, видно, за что-то зацепившись, дернулся всем телом вперед, словно собрался нырнуть. В это мгновение раздался выстрел, но пуля пролетела мимо. Конвойный чертыхнулся, лягнув затвором, но Оглобля уже добежал до меня и только хотел сесть, как я сказал:

– Пригибаясь, до вагонов. Пошли.

Может, он не понял, что я сказал, но, ни слова не говоря, последовал за мной. Согнувшись чуть ли не до земли, под прикрытием развалин, мы добрались до путей с теплушками и поднырнули под вагон. Оказавшись с той стороны, я подполз к вагонному колесу и осторожно выглянул. Как я и думал, стоило красноармейцу потерять нас из виду, как он сразу занервничал и теперь стоял, поводя стволом винтовки из стороны в сторону. Через минуту я услышал за своей спиной тяжелое Федькино дыхание и быстрые шаги.

– Где... он? – хрипло дыша, спросил он.

– Стоит, – негромко ответил я. – Подмогу ждет.

– Бежать... надоть... – прохрипел Оглобля.

– Надо, – согласился я с ним.

Только мы сумели добежать до опушки леса и скрыться за деревьями, как в прямой видимости показался боец в сопровождении нашего чекиста. В руке у того был наган. Оба с опаской смотрели на лес. Спустя пару минут чекист плюнул, и они пошли обратно. Стоило опасности исчезнуть, как меня начало потряхивать. Я сел на траву, прислонившись спиной к стволу, а рядом растянулся Федька, грудь которого ходила ходуном: он, так же, как и я, все никак не мог отдышаться. Минут пять мы провели в молчании, потом я сказал:

– Пошли отсюда. Еще приведут солдат...

– Смеешься? – скривился в усмешке парень. – Не пойдут они в лес. Забоятся.

– Лес для жизни человеку Господом предназначен. Чего в лесу бояться? – я сделал удивленное лицо, потом словно вспомнил, нахмурился. – Твоя правда. Совсем забыл про человека, он самый страшный зверь, как для себя, так и для других людей.

Теперь Федька смотрел на меня удивленно, явно не понимая, к чему это было сказано, но уточнять смысл сказанного не стал, спросил:

– Ты чего побежал?

– Не хочу обратно в тюрьму.

– Понятно. А как дальше жить думаешь?

– В большой мир пойду, искать свое место в жизни.

– Хм. Умно говоришь, сразу и не понять. Я о другом. Ты на себя посмотри. Суший скелет, ребра торчат, да и одежда на тебе... Ладно, чего об этом толковать, скажу только одно: я, Иван, добро помню.

Немного отдохнув, мы поднялись с земли и неторопливо пошли, если я правильно понимал, огибая полустанок и село по большой дуге. На месте нашего отдыха остались, зарытые в землю, клочки записки, врученные мне Макаром Коноплей.

Глава 3

Хозяин принес нам в подвал кувшин с водой, бутылку самогонки, кружки, еду и пару свечей.

– Благодарствую, дядька Никифор, – поблагодарил его Оглобля. – Ты только Кольку...

– Убежал уже, – с этими словами люк захлопнулся.

Мой напарник по бегству зажег свечи, потом на перевернутом деревянном ящике организовал обеденный стол. Нарезал сало, лук, хлеб, потом достал из чугунка картошку. При виде еды у меня рот сразу наполнился слюной.

– Еще теплая. Бери.

В ответ я мог только кивнуть головой, так как уже жевал кусок хлеба с копченым салом и одновременно чистил вареное яйцо. Федька посолил крупную картофелину и откусил сразу половину, потом забросил в рот ломтик сала и хлеба. Несколько минут стояла тишина, мы жадно ели.

– Будешь? – кивнул он на бутылку самогона, стоящую на полу.

Я отрицательно покачал головой, продолжая есть. Федька пожал плечами (типа, как хочешь), и плеснул себе в алюминиевую кружку. Выпил. Сморщился.

– Ух, зараза! – и захрустел луком.

Снова налил, но пить не стал, а вместо этого крупно посолил уже очищенное яйцо и стал жевать вместе с хлебом. Какое-то время ел, потом неожиданно за метил:

– А ловко ты с краснопузыми справился. Одного в рыло, а на другого мужика толкнул. Как у тебя так ловко вышло?

Я пожал плечами, не переставая жевать.

– В тюрьме научился драться?

– Жизнь научила, – тихо сказал я.

Федька насмешливо хмыкнул, опрокинул в рот содержимое кружки, потом заел салом с луком.

– Из какого скита будешь, старовер?

– Нашего скита больше нет, а значит, и названия нет.

– Чего так?

– Сожгли скит, а людей побили.

– Красные сволочи, даже божьих людей не пожалели. Эх, да что тут говорить! Всю жизнь нашу наизнанку вывернули!

Он снова налил в кружку самогонки, выпил, после чего стал жадно есть. На словах вроде проявил сочувствие, вот только ни в глазах, ни в голосе у него даже намек на чувство не было. Федька снова налил самогон в свою кружку. Выпил, крякнул.

– Эх! Хорошо пошла, – и от удовольствия даже замотал головой. – До самой души продрала.

Видно, взял его самогон, так как настороженность из глаз бандита исчезла, и чувствовалось, что он расслабился.

– Сало хорошее, желтое и душистое. Чуешь, духовитое, с травками. Сразу видно, что хозяин делал, от души, – он закинул в рот ломтик сала, хрустнул луковицей, прожевав, продолжил. – Эх! Сейчас бы расстегайчику, да чтоб дымился еще, с визигой или черными грибами, да кабанятинки копченой. От селянки домашней тоже бы не отказался. Накрошить туда копченостей да хлебную корку чесноком намазать. А дух какой от нее несет – не передать!

Я налил себе воды из кувшина. Перекрестил свой стакан, выпил, тем самым снова привлек внимание подвыпившего Оглобли:

– Ты, старовер, как тут, у нас, оказался?

– Из леса вышел, раненый. С рысью пересеклись наши пути-дорожки. Когтями посекала, да я еще к этой беде ногу вывихнул. С трудом выполз к железной дороге, а там добрые люди подобрали, не дали умереть. Пролежал какое-то время в больнице, только на ноги стал, как пришли милиционеры и сказали, что я беглый и забрали с собой.

– Слышал я от Семки, что ты... вроде как контра. Правда это?

– Вот у своего Семки и спрашивай, – буркнул я.

– Не мой он. А так да, наш он, из села, только в милицию подался. Он еще сказал...

– Не суди и не судим будешь, – перебил я Оглоблю. – Грех мой неизбывен, зато и отвечу перед Господом.

– Вот не надо мне этого! Семка еще сказал, что ты в побег не один ушел. Куды остальных девал? – с наглым и тупым любопытством продолжал давить на меня опьяневший Федор.

– Они леса совсем не знали, вот и не выжили.

– Правильно! Мне еще батька с малолетства талдычил: выживает сильный! Или ты, или тебя. Считаю, ты благое дело сделал.

– Нельзя так говорить. Грех это большой – лишать жизни человека.

– Ерунду мелешь, Ванька! Ты вон в лесу жил и слыхом не слыхивал, что в Рассее творилось. Белые генералы с красными комиссарами задрались. Кучу людишек положили, а ты жалеешь каких-то душегубов.

– Какие-никакие, а они люди, Федор. Любая человеческая душа – она божья.

– Божья! Бог! А кто его видел?! Вон в народе уже говорят, что нет никакого бога! Что это один обман!

– Не хочу слушать эту ересь бесовскую! Все, я спать ложусь.

Хозяин разбудил нас на рассвете, только светать начало. Вышли во двор, где нас уже ждал курносый парнишка, лет пятнадцати.

– Санек, здорово, – поздоровался с ним бандит. – Как батька?

– Все хорошо. Этот с тобой? – подросток кивнул на меня.

– Со мной.

– Пошли, – сказал-скомандовал непонятный паренек.

Выйдя из села, мы скоро углубились в лес, после чего шли по какой-то малозаметной тропке. Дойдя до поляны, остановились, чего-то или кого-то ожидая. Похоже, нас контролировали.

Моя догадка оказалась верна, так как спустя минут двадцать к нам присоединилось двое вооруженных людей. Вышли из-за наших спин, почти неслышно, по-звериному. Поздоровались с Оглоблей, бросили на меня настороженные взгляды.

– Все чисто, Сашка, – сказал один из них парнишке. – Можем идти.

Потом была скачка на лошадях, и спустя пару часов мы оказались в бандитском лагере. Судя по всему, это когда-то был хутор богатого хозяина, от которого осталась только тень большого хозяйства. Фруктовый сад, заросший травой огород, остатки разбитых ульев. Я не знаток крестьянского хозяйства, но пристроенный сарай рядом с домом был не меньше пяти, не считая навеса с коновязью, где было привязано около трех десятков лошадей. Несмотря на запустение, дом и строения выглядели довольно крепко, за исключением местами поваленного забора да одного наполовину разобранный сарай. В глубине двора виднелся потемневший сруб колодца. Недалеко от забора лежала «домашняя мельница» – каменные круги с дырками посередине, а рядом с ними валялось лопнувшее долбленое корыто.

У ворот стояла запряженная тачанка с «максимом». В ней, развалившись, сидел бандит. Мимоходом отметил, что лента в пулемет была уже заправлена, хоть сейчас открывая огонь. Чуть дальше стояла легкая повозка без коня, с двумя большими колесами. Прислонившись спиной к одному из колес, сидел верзила с винтовкой. Я даже немного удивился, увидев почти революционного матроса, в клешах и в тельняшке, накрест опоясанного пулеметными лентами.

Вот только бескозырки на нем не было. Он придерживал одной рукой стоящий прикладом на земле ручной пулемет, а во второй у него была дымящаяся папироса. Рядом с ним стоял бандит, у которого за широким офицерским ремнем торчал маузер, а из-за голенищ до блеска начищенных добротных сапог тускло поблескивали серебром рукояти кавказских ножей.

«Ишь ты, какая тут экзотика».

Бандиты, кучками или поодиночке, расположились по всему двору. Здесь были офицерские френчи, и солдатские гимнастерки, накрест опоясанные пулеметными лентами, и лихо заломленные фуражки и кепки.

Оглобля встретили одобрительными криками и грубыми шутками, а на меня только бросали любопытные взгляды. Такое отношение было мне понятно: сейчас человек, а через десять минут покойником станет.

– Федька, иди, тебя атаман зовет.

Как только Оглобля скрылся за дверью, парнишка повернулся ко мне, затем, кивнув на лавочку у дома, сказал:

– Посиди здесь. Матвей, пригляди за ним.

Один из бандитов отделился от компании и сел на завалинку рядом со мной.

Прошло совсем немного времени, как из дома вышел Федька, нашел меня взглядом, затем мотнул головой в сторону входа:

– Чего сидишь? Иди к атаману.

Я вошел в дом. В горнице за столом сидели два человека.

– Здравствуй, гость незваный. Садись.

– И вам здравствуйте, добрые люди, – я перекрестился на иконостас, висевший в углу, чем вызвал грубую ухмылку у одного из бандитов, а затем сел на лавку. Один из них мне стал понятен сразу. Уголовник. Взгляд жесткий и цепляющий, да и смотрит исподлобья, словно волк.

«Он-то зачем здесь?» – спросил я сам себя.

Главарем банды был плечистый мужчина лет сорока с открытым крестьянским лицом и с недоверчивым и острым взглядом матерого хищника. Мне нередко доводилось встречаться с подобными волкодавами во время своей службы наемником, так этот был из той же породы.

О Семене Торопове мне уже доводилось немало слышать, как хорошего, так и плохого. Он был местной легендой, если к нему было применимо это слово. Одной из основных черт Торопова была расчетливость. Она была в его движениях и его мыслях. Он не знал слова «логика», но при этом мог отлично выстраивать логические цепочки и делать правильные выводы. Первая мировая война помогла ему найти профессию солдата, бойца, воина. Два Георгия за храбрость. Партизанская война против Колчака и интервентов дала ему командирские навыки, научила работать с людьми. У него везде были свои глаза и уши.

Он был отличным красным командиром до того момента, пока не узнал, что его младший брат был расстрелян чекистами как кулак и контрреволюционер. Красный командир решил, что после такого предательства ему с советской властью не по пути, и стал красным бандитом. Он сдал командование отрядом и, несмотря на требования и угрозы начальства, которое не хотело терять такого перспективного командира, ушел, а спустя четыре месяца в Красноярском уезде появилась банда с главарем по кличке Левша. Он не трогал местных жителей, зато продотряды и бригады агитаторов просто исчезали. Сколько у него было в банде людей и где были его стоянки, толком никто не знал, зато у атамана везде были свои глаза и уши. Несколько раз Красноярск отправлял усиленные отряды на его поимку, но все они возвращались ни с чем.

– Федор рассказал немного о тебе. Старовер, говоришь. Дай-ка гляну твой нательник, старовер.

Я неторопливо достал из-под нижней рубашки нательный крест и приподнял его вверх. Атаман одобрительно кивнул, и я спрятал свой крестик.

– Он сказывал, что ты беглый и в тюрьме сидел. Так это?

– Вам зачем?

– Не крути со мной, парень. Раз спрашиваю, значит, надо, да и помни: твоя жизнь в моих руках.

Я тяжело вздохнул, затем коротко рассказал свою историю.

– Складно баешь, да вот только проверить я тебя не могу, а значит, и веры у меня к тебе нет. Может, ты засланный? А то тут у нас был один такой, неделя как закопали.

– Я к вам не набивался, – зло буркнул я. – Так получилось.

– Не набивался, вот только это ничего не меняет. Вот мне, к примеру, на душе спокойнее будет, ежели тебя за огородом закопают.

– Не побоитесь такой большой грех на душу взять? Не отмолите ведь!

– У меня, малый, столько этих самых грехов... Да что об этом говорить. Осип, поговори с Ванюшкой!

Тут ухмыльнулся сидящий рядом с главарем урка:

– Сидел, говоришь? А кого из сидельцев знаешь?

– Кого знаю, а кого нет.

– Не крути, сучонок. Я тебе не фраер, а вор. Так кого знаешь? – жестко надавил голосом вор.

Пришлось сделать вид, что поддался, и начал перечислять:

– Бритву знал, Черепа, Петлю. Еще Шило...

– Погодь. Опиши Бритву.

– Высоты, наверно, как ты, в плечах... малость пошире. Седые виски. Шрам вот здесь, – я показал на себе пальцем. – Нет трети левого мизинца.

– Похоже, знаешь... или тебе его описали. По фене ботаешь?

– Не говорил и не буду. Дурные слова тянут за собой злые мысли и пачкают душу. Не нужно это человеку.

– Амбал для отмазки? Взять смехом на характер? Влепить скачок? Ну! Быстро!

– Вор, несущий краденое. Сыграть перед потерпевшим честного человека. Обворовать квартиру.

– В дежку долбили?

– Нет на мне срама мужеложства. Мне Савва Лукич помог, – увидев вопросительный взгляд вора, пояснил. – Граф.

– Граф? Он что, еще не помер? – в голосе вора прозвучало удивление.

– Помер. Спустя полгода, как меня закрыли. Все эти полгода я за ним ухаживал.

– Славный медвежатник был. Земля ему пухом, – он задумался на минуту, потом поднял на меня глаза. – Раз Графа хорошо знал, тогда скажи мне: какую он в молодости кликуху имел?

– Фомка.

– Знаешь. С кем на рывок пошел?

– Череп, Шило, Костыль, Бугай и Крест.

– А вышел один? – тут старый вор как-то хищно усмехнулся.

Я промолчал.

– Ладно, не говори. Все, разговор закончен. Атаман, – обратился он к главарю. – Сидел он. Зуб даю.

– Хорошо. Иди, – главарь какое-то время задумчиво смотрел на меня, потом сказал. – Все так, но нет к тебе у меня веры, старовер. Вроде все складывается, а сдается мне, что двойное у тебя нутро. Вот я сижу и думаю: может, все же прикопать тебя от греха подальше?

Спросил он сам себя, а глянул с прищуром на меня. Самое интересное, что он меня сейчас не на испуг брал, а просто размышлял вслух о том, что со мной делать: убить или оставить жить? Я же лихорадочно просчитывал свои возможности, пытаюсь понять, хватит ли у

меня сил уложить этого бугая, завладеть оружием и попробовать уйти через распахнутое окно, выходящее на заросший огород. По всему выходило, что нет, но умирать как баран под ножом мясника я не собирался.

– Матвей! – вдруг неожиданно закричал главарь. – Матвей!

В следующее мгновение в горницу ворвался бандит с револьвером в руке, явно готовый пристрелить меня. Помимо револьвера у него за поясом был заткнут обрез, а еще висел штык-нож. Судя по скорости его появления, он зашел в дом, как только вышел урка, и тихо стоял, ожидая команды. Теперь мне было понятно, чем была вызвана спокойная расслабленность атамана. Очередная бандитская проверка. Он, видно, уже ловил других на такой крючок. Сердце мое дрогнуло и на долю секунды замерло, словно в ожидании своей дальнейшей судьбы. Сдаваться я не собирался, а только подобрался, готовый ко всему, как атаман неожиданно спросил своего подручного:

– Телегу на пасеку собрали?

– Сделали, как ты сказал, атаман.

– Заберете парня с собой.

Я облегченно выдохнул воздух. Сердце радостно застучало в ребра, крича: «Живой! Ты живой!» Я вышел из дома, радуясь солнцу, теплему ветерку и даже бандитским мордам, которые сейчас рассматривали меня.

Матвей подвел меня к двум бандитам, которые с ленивым интересом оглядели меня.

– Что с ним? – спросил один из них, молодой русский парень с озорными голубыми глазами и пшеничными усами.

– Заберете его с собой – ответил Матвей.

– Иди к той телеге, парень, – сказал мне другой бандит, кивком головы показав направление.

Подойдя к запряженной повозке, я сел. Бандиты тем временем перекинулись словами, после чего один из них сел на коня, а другой – на телегу.

Через пару часов медленного путешествия мы приехали на пасеку. Крепкий дом, большой сад и пасека на три с лишним десятка ульев. Мне дали краюху хлеба, открытую банку мясных консервов американского происхождения и кувшин воды, после чего заперли в подполе. Это говорило о том, что убивать меня не собирались, а просто решили изолировать. Зачем? Мне это было неизвестно, а гадать не имело смысла.

Спустя какое-то время напряжение меня отпустило, и я неожиданно для себя заснул. Проснулся оттого, что захотел в туалет. Постучал в дверь. Спустя несколько минут щелкнул замок, и дверь открылась.

– Выходи, мил человек! – послышался хозяйский голос.

Солнце уже садилось. Быстро прикинул, что сидел взаперти не меньше шести-семи часов. Огляделся – моих стражей не было.

– Нет их, – понял мои взгляды хозяин пасеки. – Давно уже уехали. Сказали, чтобы я к закату тебя выпустил. Есть хочешь?

– Хочу.

– Заходи в избу.

Хозяйка налила мне густого супу, покрошила туда немного копченого мяса, дала кусок хлеба. После того как поел, передо мной поставили кружку чая на травах и горбушку, намазанную медом. Честно говоря, я рассчитывал на второе, но больше ничего не получил, зато на дорогу хозяева вручили мне небольшой кусочек сала, два ломтя хлеба и несколько вареных картошин.

– Идти тебе туда, – и хозяин рукой показал направление. – Не собьешься, паря. Это сейчас село подлесок закрывает, а так бы сразу увидел золотой купол церкви.

– Пусть Бог хранит вас, добрые люди.

– Иди, мил человек. С Богом.

Как только постройки скрылись с глаз, я жадно начал есть то, что мне дали с собой в дорогу.

«Да что за время такое дикое. Уже три недели здесь нахожусь и ни дня сытым не был».

Мне уже было известно, что село большое, в две тысячи домов. Удобное место. Долина легла между сопок, рядом с протекающей рекой. Как мне рассказали еще в больнице, этому поселению не меньше двухсот лет, а то и более. Сначала здесь была охотничья стоянка, ловили рыбу и били зверей, потом появился купец Савкин и построил сначала лесопильню, потом смоловаренный заводик. Когда прокладывали железную дорогу, решили здесь основать железнодорожную станцию, после чего появились кирпичный и свечной заводы, а потом мебельная фабрика. На ней работали по большей части политические ссыльные, которых царские власти отправляли сюда на поселение. Со временем в центре села выросло полтора десятка двухэтажных каменных домов.

Возможно, спустя какое-то время богатое село могло получить статус города, но грянула революция, и плавное течение жизни было нарушено. Сначала в мастерских и на заводе появились большевики, призывающие к всеобщему равенству, потом голову местному населению стали дурить представители партии эсеров и меньшевиков. К тому же в село постепенно стали возвращаться местные жители, которые выжили на фронтах Первой мировой войны, внося свою долю смуты в головы земляков.

Власть большевиков, которую поддерживали рабочие, стояла недолго. Народ понял, что, кроме агитационных речей с трибуны и обещаний, большевики ничего не могут дать. Стало хуже с продовольствием, исчезли товары народного потребления, народ снова ушел воевать.

Не успела закончиться война с Колчаком, как пришел двадцатый год, и Сибирь всколыхнули народные восстания. Большевики отчаянно пытались сохранить свою власть. Начался террор, и несогласных с местной политикой комиссары просто стали ставить к стенке. Народ ужаснулся. Когда воевали с белыми за счастье народа, все было понятно – стреляли во врагов, а сейчас за что народ расстреливают? Разговоры о том, что при царе лучше жилось, раздавались все чаще. Красные партизаны, которые воевали против Колчака, теперь, повернув оружие, стали бороться против советской власти.

Об этом я слышал от больных, причем некоторые из них были непосредственными участниками этих событий. Я понимал, что мнения этих людей однобоки и не всегда соответствуют истине, но общее понимание событий, происходивших за последние годы, получил. Если восстания и мятежи еще находили какое-то понимание в головах людей, то новый экономический порядок мало кто из них принял. Люди ругали почему зря буржуев и советскую власть, которая разрешила тем снова сесть на шею трудовому народу. С другой стороны, народ был доволен, так как снова появились продукты и товары народного потребления. Вот только цены! Ах, эти нэпманы проклятые!

Впрочем, не об этом я думал, идя по тропинке в направлении села, а о себе. Задание чекистов провалено, и вряд ли они поверят моему рассказу о том, что со мной произошло. При этом меня смущала одна вещь. С какой стати главарь сдал мне своего человека, пасечника. Ведь я видел, что до конца мне атаман так и не поверил. Вот как назвать такой поступок? Впрочем, и эту загадку я отодвинул куда подальше. Сейчас мне надо было решать, что прямо сейчас делать? Чекисты отпадают, как и бандиты. Ведь Левша, кроме могилки за огородом, мне так ничего и не предложил. У меня нет ни еды, ни одежды, ни денег. Местные жители, которые обо мне слышали, разговаривать со мной не будут. И хорошо, если сдадут в милицию, а то ведь просто могут пристрелить.

«Куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдаться?» – про себя продекламировал я откуда-то всплывшие в памяти слова, после чего стал думать дальше. – Единственный выход – это пробраться к железнодорожным путям и как-нибудь ухитриться сесть на проходящий

поезд. Вот только вид у меня, как у привокзального бомжа. Теперь, кажется, я начинаю понимать людей, выходящих на большую дорогу».

В этот момент пролесок кончился, и я с высоты пологой сопки увидел открывшуюся передо мной панораму, в центре которой раскинулась между двумя холмами долина, где лежало село. Как мне и сказал пасечник, в глаза сразу бросилась золотая маковка церкви. Полтора десятка каменных домов в центре, дальше площадь, вокзал, лавки и множество домов местных жителей в лабиринте улиц и улочек.

«Солнце уже почти село, и через полчаса будет совсем темно», – подумал я и стал быстро прикидывать, как мне лучше добраться до железнодорожного вокзала. – «Может, повезет? Если сегодня ночью или с утра придет поезд, то я не успею помереть с голода...»

На этом мои мысли резко оборвались, так как в селе началась стрельба, причем выборочная, сразу в нескольких местах. Все стало на свои места. Банда готовилась захватить село, а меня Левша просто пожалел. Теперь передо мной встал новый выбор: идти в село, где можно нарваться на бандитскую пулю, или пересидеть здесь?

В принципе, такой налет должен начаться уничтожением идейных врагов, а закончиться грабежом магазинов и лавок. Если все так, то у меня был шанс найти себе одежду и продукты, а может, даже и оружие. Да, это мародерство в чистом виде, но не ходить же мне честным, но в стоптанных лаптях и с дырками в портках. С детства во мне жила авантюрная жилка, благодаря которой я колесил по свету в поисках приключений на свою задницу. Когда-то, в юные годы, я представлял себя испанским идалго, любителем подраться, баловнем женщин и с жадной золотом в сердце. Разве такой будет переживать налет? Я авантюрист или кто?

Оглянулся. За сопками в полумраке угадывалось обширное безлюдное пространство дальних гор и тайги. Снова повернулся в сторону села.

«Вперед и с песней. Как говорится, кто рискует, тот ходит в новых штанах. А мертвецу они и вовсе не нужны».

Я решительно зашагал дальше, не обращая внимания на стрельбу и крики, которые уже до меня доносились.

«Вот только зачем банде село? – вдруг неожиданно пришла мне в голову мысль-вопрос. – Из Красноярска через пару дней пришлют войска, и те помножат их на ноль. Если, конечно, здесь нет второго дна.

Атаман вроде у них не дурак. Странно как-то все складывается».

Военный опыт у меня был немалый, поэтому то, что я сейчас слышал, мало походило на дикий налет бандитской вольницы со стрельбой, человеческими криками и грабежами. Интенсивность перестрелок то в одной, то в другой части села говорила о планомерной зачистке.

Стоило мне выйти к окраине села, вдруг неожиданно застрочил пулемет, а за ним ударили залпом винтовочные выстрелы, после чего завязалась перестрелка. Причем эта стрельба шла не в самом селе, а за ним, где-то левее. Мой боевой опыт подсказал, что там на кого-то устроили засаду. Местности я не знал, как и местного расклада сил, поэтому гадать не стал, а только пожал плечами и осторожно двинулся между домами.

План атамана состоял из двух пунктов. Уничтожение большевиков на селе и разгром полужэкадрона частей особого назначения, являвшегося главной ударной силой местной власти. Чтобы вывести его из основной игры, а затем уничтожить, верные атаману люди сделали ложный донос в ГПУ о том, что банда готовится напасть на «Выселки» – так называли в селе первую коммуно-колхоз. Командир отряда с двадцатью бойцами и пулеметом отправился туда для организации засады. Они находились там вплоть до того момента, пока не услышали стрельбу со стороны села. Стоило командиру понять, что это отвлекающий маневр, отряд вскочил на коней и во весь опор понесся в село, но попал в засаду. Кинжальный огонь пулемета и полудюжины стрелков в первые минуты положил почти половину бойцов отряда. Одним

из первых погиб командир. Из засады удалось вырваться только нескольким красноармейцам, которые смогли скрыться в наступившей темноте.

Я осторожно шел по селу, где дома стояли россыпью, то сбиваясь в крутые извилистые переулки, то разбредаясь по сторонам. Хотя уже стемнело, света не было ни в одном доме, но при этом я чувствовал, как сельчане приткнулись к окнам, глядя в щелки между занавесками, и настороженно прислушиваются к звукам. Стрельба в селе стихла, и теперь отчетливо слышались людские крики и плач на фоне истошного лая дюжины собак.

Вдруг неожиданно где-то рядом послышался приближающийся топот лошадиных копыт конного отряда. Вслед им истошно залаяла чья-то собака. Пригнувшись, я прижался боком к ближайшему забору, настороженно вслушиваясь в темноту.

«Куда? Зачем?» – невольно мелькнули в голове вопросы.

Ответы на них я получил спустя несколько минут, когда в той стороне, куда проскакали всадники, ударил револьверный выстрел, зазвенело разбитое стекло, а в ответ ударил залп из нескольких винтовок. Следом раздался крик боли, потом громкая ругань и грохот. Бандиты выбивали дверь.

«Значит, все-таки местную власть вырезают, – получил я подтверждение своим догадкам. – То-то местные сидят по домам и не особо волнуются».

Снова выстрел, за ним послышались предсмертный крик и надрывный женский плач, после чего снова раздался стук копыт, теперь уже в обратном направлении. Осторожно выпрямившись, огляделся по сторонам, собираясь идти дальше, но уже в следующее мгновение замер, так как в той стороне, куда собирался идти, неожиданно залаяла собака.

«Чего псину так разобрало? Бандиты там, я здесь, а собака... А вот теперь все понятно».

Сначала послышались тихие шаги, так как стрельба к этому моменту полностью прекратилась, потом луна, вылезшая из облаков, на короткое время осветила фигуры трех идущих мужчин, только что вывернувших из-за проулка. Один из них, словно почувствовав мой взгляд, на ходу обернулся, но ничего не заметил, зато я увидел, как в его руке тускло блеснул ломик.

«Шпана местная. Видно, решили грабануть ближайший магазин под шумок. Может, и мне с ними за компанию?»

Вот не нравились мне мои штаны с дырками, разваливающиеся на ногах лапти и пустые карманы. Мне хотелось жить широко и беззаботно, как в прежней жизни. Да и кто я такой, чтобы спорить со своими желаниями?

Стоило их шагам затихнуть, как я двинулся вслед за ними. Налет бандитов ни разу не напоминал мне кадры из фильмов. Нигде ничего не пылало пламенем пожара, не кричали дико люди, которых рубили шашками, не был слышен треск выламываемых дверей. Несмотря на такое несоответствие, сложившаяся ситуация меня сильно напрягала, так как прекрасно понимал, что мне надо бояться в равной мере как бандитов, так и местных жителей. Именно поэтому мое тело на каждый неожиданный звук напрягалось, готовясь вступить в схватку, глаза выискивали потенциального врага, а уши просеивали окружающее пространство, пытаясь уловить подозрительные звуки.

Пройдя полсотни метров, я услышал хруст дерева, смешанный с металлическим скрежетом. Молодчики наконец добрались до своей цели и теперь нагло, не стесняясь, взламывали дверь. Я выглянул из-за забора близлежащего дома в тот самый момент, когда последний налетчик, торопливо входивший в широко распахнутую дверь, быстро огляделся по сторонам. Отпрянув, чтобы тот меня не засек, я успел заметить вывеску «АПТЕКА» на двухэтажном доме. Это было не совсем то, что мне надо, но выбирать было просто не из чего.

Быстро подбежал к входной двери и, взявшись за ручку, медленно потянул ее на себя, как услышал из глубины помещения матерную ругань одного из налетчиков:

– Клоп! Мать твою... Сука, дверь закрой!

Затем раздались чьи-то быстрые шаги, но только стоило кому-то схватиться за внутреннюю ручку, как я рванул дверь на себя. Бандит, не ожидавший рывка, вывалился на меня, при этом с трудом удержавшись на ногах. Я успел увидеть перед собой растерянные глаза и ломик в его руке и тут же со всей силы ударил бандита кулаком в горло. Он, вскинув руки к горлу, захрипел, в тот самый момент я вырвал из его руки фомку и снова ударил, сбивая с ног.

Бандит еще падал, когда я влетел в помещение и кинулся к следующему налетчику, освещенному керосиновой лампой, стоявшей на прилавке. Неожданная смерть подельника и непонятно откуда взявшийся неизвестный ему мужик на секунду-другую ошеломили бандита. Когда он все же рванул из-за пояса наган, закаленный кусок металла обрушился ему на голову. Хруст височной кости бандита, проломленной ломиком, совпал с полузадушенным криком, как мне показалось в тот миг, ребенка, идущим откуда-то сверху.

Стоило бандиту рухнуть, как стоавший на полу мужчина, приподняв голову, посмотрел на меня мутными глазами:

– Там... Помогите...

Лапти сейчас сыграли положительную роль. Моих быстрых шагов почти не было слышно. Одновременно с раздавшимся новым отчаянным криком я оказался на пороге спальни. Первым, что я увидел, была лежавшая на кровати с задраным платьем девушка, с которой насильник в этот момент стаскивал кружевные панталончики. Удар лома по голове заставил бандита замереть на мгновение, потом его тело обмякло, и он осел на пол.

При виде меня девушка снова собралась закричать, но я приложил палец к губам.

– Не трону. Не кричи, – раздельно и тихо сказал я и только сейчас заметил лежавшую на полу без сознания полную женщину. – Мать? – спросил я.

Девушка только кивнула головой, не отводя от меня полных слез глаз.

– Помогите ей, – сказал я, после чего схватил бандита за шиворот и поволок к лестнице.

С трудом дотащив тело до лестницы, я скинул его вниз, но при этом взмок и устал так, словно целый день вагоны разгружал. Спустившись, снова склонился над неудавшимся насильником, констатировал, что тот жив и без сознания. Выпрямившись, огляделся. Прилавок, за ним стеклянные шкафы с пузырьками, окно, полуоткрытая входная дверь.

Сбоку раздался шорох. Ствол револьвера в то же мгновение переместился в сторону звука, но, как оказалось, это мужчина, цепляясь за стойку, старался подняться на ноги.

– Вы хозяин этого заведения?

– Я. Они... Как?

Хозяин аптеки, стоя на дрожащих ногах и опираясь на стойку, поднял на меня глаза. Еврей. Кто бы сомневался, хотя я это понял еще в спальне, глядя на мать и дочку,

– Иди и сам разбирайся, – буркнул я и тяжело пошел к двери.

Возбуждение сошло, нагрузка на организм оказалась слишком сильной, и сразу как-то разом навалилась тяжесть, сердце колотилось, ноги стали словно ватные. Захотелось присесть и прийтись к себе, но еще ничего не закончилось, поэтому я поменял ломик на револьвер и подошел сначала к окну, а потом к приоткрытой двери. Где-то там слышны плач и крики, а здесь, на улице, ни одной души, ни одного огонька в окнах. Осмотрел замок и вздохнул: тот был конкретно сломан. Мне много чего довелось видеть в той жизни, поэтому не нужно было щупать пульс или трогать сонную артерию, хватило одного быстрого взгляда на бандита, лежащего на пороге, чтобы понять – тот безнадежно мертв. Втащив труп внутрь, я закрыл дверь на хлипкий крючок.

Сверху были слышны тихие всхлипывания и невнятные голоса. Очень хотелось пить, отойдя к прилавку, пробежал глазами по шкафам, где за стеклом стояли разнокалиберные коробочки, баночки и пузырьки, потом развернулся и подошел к лежащим на полу налетчикам. Наклонившись, быстро прошелся по их карманам, но, кроме горсти патронов к револьверу, начатой пачки папирос и кисета с табаком больше ничего не нашел. Осмотрел револь-

вер. «Вроде рабочая машинка. Теперь пора заняться своим гардеробом», – решил я и стал присматриваться к грабителям, пытаюсь определить нужный мне размер, а заодно определить качество одежды.

Только нацелился на ботинки одного из налетчиков, как раздались шаги аптекаря, спускающегося по лестнице. Я выпрямился, глядя, как он одной рукой держится за бок, другой рукой тяжело опирается на перила. Хотя кровь с его лица была смыта, при каждом шаге он кривился от боли.

Спустившись, аптекарь сначала бросил взгляд на тела, затем на дверь, потом на меня. Я усмехнулся:

– Закрыв на крючок, но если еще кто явится, то выбьет дверь с одного удара.

– Ой-вей! А кто-то обещал счастливую жизнь. Грабежи, банды, большевики. Вы не знаете, от чего нас освободили? Я таки даже боюсь подумать, что нас ждет в будущем при таких обещаниях, – при этом хозяин дома печально покивал головой, потом вдруг вскинулся. – Премного извините меня, молодой человек, я ведь вас так и не поблагодарил. Вы спасли жизнь мне, моей жене Софочке и дочери Сонечке. Что я могу для вас сделать?

– Можно чего-нибудь попить, уважаемый?

– Будет и попить, и поесть. Как только Сонечка заснет, Софочка все сделает.

– Вы думаете, что ваша дочь после этого заснет?

– Я дал ей снотворное. А попить... Погодите!

Аптекарь, продолжая держаться за бок, обогнул стойку и скрылся в задней комнате. Спустя несколько минут вернулся с кувшином и стаканом. Поставил их на стойку, потом вдруг бросил тревожный взгляд на дверь, затем на лежавшего в беспомощности бандита, и вдруг стал неожиданно ругаться. Поцы и шлимазлы так и слетали с его языка. Я его понимал, у каждого своя разрядка нервов. Пока он этим занимался, я выпил подряд два стакана ягодного морса, и теперь мне захотелось есть. Наконец он закончил ругаться и бросил на меня внимательно-оценивающий взгляд:

– Вы знаете, что сейчас там происходит?

При этом он кивнул головой в сторону входной двери.

– Утверждать не берусь, но, похоже, лесные бандиты режут местную власть.

– Так это банда Левши? – в его голосе послышалось облегчение, что меня весьма удивило.

– Мне-то откуда знать, но при этом село не подожгли, и народ в панике не разбегается.

– Таки он. Уф! Я даже чувствую себя немножко лучше.

– А кто это? – я кивнул на мертвецов и лежащего в бессознательном состоянии бандита.

– Это мое прошлое, – и аптекарь горестно закачал головой. – Ой-вей! Ведь только семь лет прошло... Тот, кого вы так удачно убили, страшный бандит. У него руки по локоть в крови. Его отправили на каторгу, но тогда был закон, а что есть сейчас? Разве это жизнь? Нет, это преддверие ада! Эти люди, которые ничего не знают о жизни, почему-то решили... Он резко замолк, настороженно глядя на меня.

– Мне не интересна местная политика, уважаемый. Я – сам по себе.

– Судя по тому, как вы говорите, чувствуется интеллигентный человек, но при этом как-то странно строите фразы.

Мне не хотелось развивать это направление разговора, поэтому я решил сменить тему и поинтересовался:

– Кстати, как мне к вам обращаться?

– Абрам Кац. Местный аптекарь, как вы уже поняли.

– Егор Аграфов, бродяга, как вы уже поняли, – в тон ему ответил я.

Мы замолчали. В другое время я бы уже подраздел мертвецов, но присутствие хозяина аптеки, с которым, похоже, наладились отношения, сдерживало меня.

«Может, можно будет решить вопрос как-то по-другому».

С улицы не доносилось ни малейшего звука, только было слышно, как сверху ходит и гремит посудой хозяйка. Вдруг она затихла, а потом, подойдя к краю лестницы, не спускаясь, негромко спросила:

– Молодой человек, как вы думаете, нас снова сегодня будут грабить?

– Трудно сказать, мадам, – отшутился я. – Я не местный, поэтому незнаком с вашими обычаями.

– Ой-вей! Вы шутите, значит, не все так плохо, – и женщина снова занялась своими делами.

Мы снова встретились с аптекарем взглядами, потом он бросил быстрый взгляд на револьвер, который я до сих пор держал в руке, и наконец решился сделать мне предложение, которое мне хотелось от него услышать.

– Егор, извините меня, но, судя по вашему босяцкому виду, у вас нет неотложных дел, тем более, что наступает ночь. Вы можете остаться здесь, в аптеке. Кстати, у меня есть хорошая настойка на травах и кедровых орешках.

– Спасибо, но нет. А насчет...

В этот момент раздался осторожный стук в дверь. Я посмотрел на хозяина дома. Тот бросил испуганный взгляд на дверь, затем посмотрел на меня и пожал плечами. Снова раздался стук.

«Не бандиты. Хм. Тогда, может, клиенты».

– Может, покупатели? – спросил я аптекаря.

– Ночью?! – возмутился он, но тут же потух. – Хотя да. Да. Возможно.

Подойдя к двери, я спрятал револьвер за спину, а левой рукой откинул крючок, после чего резко отступил назад. Дверь открылась, и на пороге возник еще один... еврей. Черные выющиеся с проседью волосы, нос кривой и длинный. Увидев меня, он испуганно замер, но тут из-за моей спины раздался голос хозяина дома:

– Фима, не стой столбом, заходи быстрее! А то на свет если не мошкара, так бандиты налетят!

Я сразу отметил про себя, что, судя по прорезавшемуся юмору, аптекарь как-то быстро пришел в себя, да и к трупам, к моему небольшому удивлению, он оказался привычен.

«Впрочем, время сумасшедшее. Смена властей. Белые – красных – красные – белых. Банды. Налеты. Все это накладывает свой отпечаток. И жена его неплохо держится: ни обмороков, ни плача».

Когда незванный гость перешагнул порог, я закрыл дверь на крючок, затем повернулся и оглядел мужчину. Первым, что бросилось в глаза, был его довольно необычный внешний вид. Нижнее белье, сапоги и кожаная тужурка. Лицо у него было растерянное и напуганное. Косясь на меня, он вошел, но, сделав пару шагов и увидев тела на полу, снова замер.

Кац оглядел своего соотечественника, после чего настороженно спросил:

– Фима, тебя ищут бандиты?!

– У вас тут что? – вопросом на вопрос ответил ему Фима, все еще не отрывая взгляда от тел, лежащих на полу.

– Он еще спрашивает?! Нас здесь всего-навсего пытались ограбить и убить! – неожиданно возмутился аптекарь. – Где твоя советская власть?! Где твое грозное ГПУ?! Где, я тебя спрашиваю?!

– Абрам, перестань кричать на Фиму! – раздался сверху голос хозяйки. – Он не виноват, что у него голова с прибабахом!

– А кто виноват?! Ведь это он у нас большевик! Вот-таки прямо сейчас мне скажи, где твое светлое будущее?! – в голосе Абрама сейчас пробивались истерические нотки. – Или я его увижу только с того света?!

– Меня зовут Егор, – решил я сбить накал страстей. – Что у вас случилось?

– Фима. Э... Ефим Коганович. Э... Здравствуйте. Значит, это бандиты... Погодите! Вы убили бандитов Левши?! – в его голосе появился страх.

– Нет! Это просто бандиты! – заявил уже начавший остывать аптекарь. – Они пришли... Впрочем, я это уже говорил. Затем появился Егор и спас нас.

– Появился, – повторил Коганович. – Это хорошо. Абрам, я пока у тебя пересижу. Можно?

– Можно, – буркнул тот, но уже не злобным тоном, а, скорее всего, расстроенным. – Что, за тобой тоже приходили?

– Да. Наверное. Даже скорее всего... В общем, я у Марии был, когда стрельба началась, – он опустил голову. – Мы видели, как Степана и Ефросинью Рыбак бандиты вытащили во двор и шашками порубили.

– А жену-то за что?

– Так она отвечала за агитацию и культмассовую работу в совете. Потом, думаю, они пошли за мной. В том направлении. Как они скрылись, я ушел задами и сюда.

– А чего у Марии не остался? Или она испугалась и выкинула тебя на улицу?

Коганович сначала замялся, потом промямлил:

– Не хотел женщину подводить.

– Ладно, успокойся. Ты жив, и это главное. Сейчас Софа принесет нам закусить. Ты как, настойки выпьешь?

– Выпью! – возбужденно воскликнул тот. – Внутри все ходуном ходит, не могу успокоиться.

Стоило Кацу уйти за прилавок, в заднюю комнату, как Коганович быстро и негромко сказал:

– Я вас знаю. Вы старовер, были арестованы, и сейчас в бегах.

– Откуда у вас такие подробности, товарищ Коганович? Работаете в ГПУ или в милиции?

– В милиции, – так же тихо сказал представитель власти.

– Раз так, то мне надо вас прямо сейчас убить! Вы еще забыли добавить, что я контра, а значит, непримиримый враг большевиков, а еще мне надо сохранить тайну своего бегства, – сказал я зловещим голосом при этом довольно громко.

– Егор, не надо убивать Фиму. Он хоть большевик, но при этом дальний родственник моей Софочки, – сказал подошедший к нам Абрам, после чего поставил на прилавок графинчик с двумя стопками и зажженную керосиновую лампу. – Мне ведь с ней еще жить да жить, а теперь представьте, что в таком случае у нее появится еще один повод ругать меня за то, что я позволил убить Фиму.

Аптекарь разлил настойку в стопки, потом повернулся ко мне:

– Таки не будете?

Я отрицательно покачал головой. Приятели быстро выпили, потом посмотрели в сторону лестницы, ведущей на второй этаж, и быстро повторили.

– Егор, я о вас тоже слышал. Такой приятный молодой человек, а уже беглый каторжник. И куда только милиция смотрит? – не удержался и съехидничал Кац.

– Не смешно, – буркнул Коганович, крутя в пальцах пустую стопку и выразительно глядя на графинчик.

Вот только продолжения не последовало, так как на лестнице раздались шаги. Жена аптекаря спустилась с нагруженным подносом, поставила его на прилавок, бросила недовольный взгляд на графинчик, затем окатила товарища Когановича с головы до ног ехидным взглядом.

– Фима, ты выглядишь, как последний босяк, – при этих словах милиционер сердито запахнул в тужурку и попытался придать себе независимый вид. – Не надувай щеки, Фима, а то совсем смешно получается. Ладно, кушайте, а я пойду, поставлю чай.

После этих событий у меня разыгрался просто зверский аппетит, и я набросился на еду. Фима откусил от бутерброда с форшмаком и стал вяло жевать, видимо, он еще не окончательно пришел в себя.

– Абрам, давай еще, – Коганович показал на графинчик.

Кац налил, они выпили. Фима снова взялся за бутерброд, а Кац неожиданно о чем-то задумался. Я уже хотел его спросить, о чем он думает, как тот тяжело вздохнул и сказал:

– Мне надо сходить к Антипу Трофимовичу.

Мне это имя ничего не говорило, поэтому я промолчал, продолжая жевать. Человеку надо – пусть ходит. Зато Фима поморщился, видно, этот человек был ему неприятен: – Зачем сейчас-то? Банда в селе.

– А ты хочешь, чтобы этих душегубов вытаскивали из моего дома при белом свете, на глазах у людей?!

Представитель власти отвел глаза.

– Чем-то могу помочь? – спросил я.

– Нет. Мне самому нужно это сделать. Закрой за мной дверь.

Его не было минут пятнадцать, потом раздался тихий стук. Подойдя к двери, я спросил, кто там, после чего откинул крючок.

Открылась дверь, и в аптеку вместе с Кацем зашел новый гость, держа в руках дробовик. Это был крепкий и кряжистый сибиряк, лет сорока пяти-пятидесяти, среднего роста с широкими плечами, имевший простоватое лицо, и в то же время – недоверчивый и жесткий взгляд. Кожа лица, что кора дерева, коричневая, обветренная, дубленая. Борода и усы с проседью. Он огляделся, задержал взгляд на мне, прикинул, оценил, потом подойдя, осмотрел лежащие тела.

– Точно Дубина. Как ни есть варнак каторжный, – опознал он одного из налетчиков. – Столько лет не было, и вот на тебе, явился.

– Ты их приглубил? – он посмотрел на меня.

– Я, – ответил я, пытаюсь понять, что представляет собой этот мужик.

– А этого чего? – и он указал пальцем на начавшего приходить в себя бандита.

Я не понял вопроса и озадаченно посмотрел на хозяина дома. Кац отвел глаза, Коганович, делая вид, что его здесь нет, молча смотрел куда-то в пространство.

– Ладно. Мы, люди простые, сами разберемся, – усмехнулся в бороду мужик, потом повернулся ко мне. – О тебе мне уже довелось слышать, старовер.

– Не знал, что я так известен в ваших краях.

– Так у нас не город, все друг друга знают, новых людей почитай и нет, а тут весть разнеслась: старовер из лесу вышел, да еще беглый из тюрьмы. Вот люди и судачат о тебе.

«Кто ты такой, сильно знающий?» – хотелось мне спросить у него, но я сейчас был не в том положении, чтобы задавать подобные вопросы, да и было в этом сибиряке нечто такое, похожее на обстоятельную, крепкую, хозяйственную уверенность в своих силах. Даже его одежда говорила об этом: серый сюртук с роговыми пуговицами, жилет, штаны черные, заправленные в сапоги-гармошку. На голове картуз с лакированным козырьком. Все почти новое, сапоги блестят.

Я это отметил, затем подумал: «Ночь на дворе, а он одет, словно в гости собрался».

– Люди не ведают, что говорят, – попытался я снова изобразить старовера. – Не все правду знают, а все равно говорят.

– Ты мне тут святошу не изображай, парень, – снова усмехнулся он. – Вон твоя правда на полу, в лужах крови остывает. Или отрицать будешь?

Ответить мне не пришлось, так как послышался нарастающий многочисленный стук копыт, какие-то металлические звуки, лошадиное ржание, негромкие выкрики. Мы все замерли. Напряжение сгустилось настолько, что его, наверно, можно было резать ножом.

– Абрамка, лампу гаси! – скомандовал Антип, и через мгновение мы оказались в темноте. Полной назвать ее было нельзя, так как в окна светила луна.

Прошла минута, другая. Напряжение достигло предела. Звук копыт слышался все отчетливее, но спустя какое-то время стал удаляться. Мы не знали, что это возвращалась часть отряда Торопова после удачной засады.

– Похоже, все. Давай свет, Абрам, негоже в потемках сидеть.

Аптекарь, ни слова не говоря, снова зажег керосинку. Тусклый свет частично осветил пространство аптеки. Мужик снова бросил взгляд на трупы, потом повернул голову ко мне.

– Слышь, паря, – обратился ко мне Антип. – Сейчас сын на телеге подъедет, загрузить поможешь.

Только я кивнул головой, как послышались цокот копыт и скрип колес.

– Вот и он. Давай, – и Антип направился к начавшему приходить в себя бандиту.

Спрятав револьвер, я подошел к двери, откинул крючок и распахнул ее, после чего схватил ближайший труп за руку и потащил на улицу.

У телеги стоял плечистый парень, где-то моих лет. Он оглядел меня даже не внимательно, а обстоятельно, после чего сказал:

– Здорово.

– Здорово. Егор.

– Михаил. Давай помогу.

Без всякой брезгливости, словно всю жизнь этим занимался, он схватил труп за ноги.

– Раз! Два! Три! – мы закинули труп в телегу и пошли за вторым мертвецом.

Когда погрузка была закончена, Михаил тронул вожжи, лошадь легко взяла с места, потянув телегу. Вслед за ней пошел Антип с двустволкой, заброшенной за плечо. Все прошло настолько просто и непринужденно, словно мы забросили в телегу три мешка с картошкой. Мне только и оставалось, что покрутить головой от простоты местных нравов.

Глава 4

Глядя им вслед, я жалел, что не раздел разбойничков, проявив не свойственную мне щепетильность. Провел взглядом по темной улице. Здесь было тихо, но где-то там человеческие крики и собаки продолжали рвать тишину летней ночи.

Только я успел переступить порог аптеки, как услышал яростный спор Когановича и Каца. На этот раз аптекаря поддерживала жена, которая спустилась после того, как убрали тела. Судя по тазу с водой и тряпкой, она собиралась мыть пол.

Только теперь я к ней присмотрелся. Невысокая полненькая женщина с простым, но при этом довольно милым лицом. Сейчас она стояла перед Когановичем, уперев руки в бока.

– Фима, не изображай героя! Ты что, хочешь на пустом месте убиться до смерти?!

– Ты идиет, Фима! – вторил ей муж, крепко держа приятеля за рукав. – Кто ты? Ты конная армия Буденного?! Да они просто пристрелят тебя, проходя мимо!

– В чем дело? – спросил я, закрывая дверь на крючок.

– Он хочет пойти к своим товарищам! – объяснил мне ситуацию аптекарь.

– Так хоронят вроде днем, или у вас обычаи другие? – сделал я удивленное лицо.

– Не юродствуйте! Я хочу знать, что там произошло! Что с моими товарищами, что там с Марией! Если мне суждено умереть, так тому и быть! Дайте пройти!

Коганович стряхнул со своего рукава пальцы Каца и решительно шагнул в мою сторону.

– Да ради бога, – и я сделал шаг в сторону. – Только предупреждаю: еще ничего не кончилось.

Взгляды троих людей скрестились на мне, ожидая объяснений, которых у меня не было. Только одни догадки.

– Это как? – с явным недоумением в голосе наконец спросил меня аптекарь.

– Скажем так: это догадка, и, чтобы получить ей подтверждение, задам вам один вопрос. Зачем Левше уничтожать в селе советскую власть, если через день или два пришлют войска из Красноярска и ему придется убираться обратно в лес? Добавлю к этому еще одну непонятную мне вещь. Его налет можно было бы понять, если бы он убивал и грабил, но, судя по вашей аптеке, этого как раз и нет. Или я в чем-то не прав?

У меня было немного времени подумать над сложившейся ситуацией, но теперь мне хотелось знать мнение местных жителей, которые могут дополнить мои слова своими соображениями. После моих слов Кац вместе с Когановичем бросили друг на друга взгляды, потом Кац стал усиленно чесать в затылке, сдвинув ермолку, а Фима уставился в потолок, словно там пытался прочесть ответ. Софа обвела нас всех взглядом, покачала головой, но говорить ничего не стала, принявшись мыть пол.

– Вы хотите сказать, что у Левши есть до нашего села какое-то другое дело? – наконец решился на вопрос аптекарь.

– Скорее всего, связанное с селом, – предположил я. – Иначе смысла в этом налете не вижу.

Коганович как-то странно посмотрел на меня:

– Я как-то по-другому представлял себе староверов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.